

СОФИ ГРАССО

Корона Неаполя

капо ди тутти капи

YOU'RE INVITED TO OUR
ENGAGEMENT PARTY!

18+

Софи Грассо

**Корона Неаполя.
Капо ди тутти капи**

«Автор»

2026

Грассо С.

Корона Неаполя. Капо ди тутти капи / С. Грассо — «Автор»,
2026

Неаполь — город контрастов, где солнечные улочки хранят тени, а улыбки скрывают угрозы. Здесь правит мафия, и каждый знает неписанный закон: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю. Ловушка захлопнулась в тот момент, когда Дарио меньше всего этого ждал. Его спасает девушка, которая просто бежала по берегу и не смогла пройти мимо. В ответ, он подарил ей мир, полный опасности. Теперь перед ними не просто игра, а выбор, от которого зависит всё: любовь или власть? Блеф или риск? Дарио может пойти ва-банк и забрать всё. Может сбросить карты и уйти. А может — впервые в жизни — поставить на чувство, которое не поддаётся расчёту. Вот только в Неаполе за такой стол садятся один раз. И если ты не уверен, что умеешь любить так же хорошо, как блефовать, то можно поплатиться жизнью! Держитесь крепче: вас ждут ловушки, двойные игры и люди, которые умеют месть подавать холодной!

© Грассо С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Мы в дерьме.	5
Глава 2. Пляж.	9
ГЛАВА 3. ТЕНЬ НАД ЗАЛИВОМ	13
Глава 4. Возвращение.	19
Глава 5. Шрамы.	24
Глава 6. Темнота.	27
Глава 7. Ловушка.	30
Глава 8. Лев.	37
Глава 9. Ночь.	41
Глава 10. Чао, Монтана!	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Софи Грассо

Корона Неаполя. Капо ди тутти капи

ГЛАВА 1. Мы в дерьме.

Жёлтые дома, выцветшие под солнцем, прижимались друг к другу, словно старые приятели, а на их несурзных железных балкончиках сушилось бельё — пёстрыми флагами развываясь на ветру, будто подавая городу тихие, повседневные сигналы о том, что всё идёт своим чередом.

Толпы туристов, замороженные этой живой, шумной красотой, бродили по улицам, жадно впитывая контрасты — нищету рядом с роскошью, изящество лепнины с облупившейся штукатуркой. Они восхищались тем, что местным давно приелось, а порой и раздражало, будто они смотрели на любимый, но надоевший спектакль.

Горожане смиренно придерживались неписаного правила: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю». Все знали — улицами правила мафия, и её тень ложилась на каждый район, поделённый между кланами. Каморра диктовала условия, не повышая голоса, но жестоко карала тех, кто ей не подчинялся.

Высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати, одетый в чёрный классический костюм, уверенно шагал по тротуару, мимо надписи на стене «Мы в дерьме». Чёрные буквы, выведенные краской, смотрели на него с какой-то усталой, всепоглощающей правдой.

Свернув в арку, измалёванную граффити, он перешагнул лужу, услышав сзади громкий хлопок. Неожиданный удар обрушился на затылок, тёмная волна накрыла сознание, и мир погас, будто кто-то резко дёрнул рубильник.

Очнулся он от жёсткого удара по рёбрам на заднем сиденье машины. Его руки были связаны, голова гудела, а в глазах рябило и расплывались очертания.

— Очухался, засранец! — Амато, здоровый, как бык, с лицом, исполосованным шрамами, размахнулся и ударил в скулу. Голова мужчины откинулась назад. — Молись, гнида, твой час пробил!

— Нахрена мы с ним возимся! Надо было прикончить в подворотне! — возмутился Маттео и врезал точно в центр грудины, вышибая воздух из лёгких. Мужчина согнулся пополам, жадно хватая ртом воздух. — Я смотрю, ты впечатлён, Дарио. — Он ухмыльнулся и саданул его в бок.

— Мерда! — Дарио пытался отдышаться, но воздух входил в лёгкие с хрипом. — Жалкие псы!

— Ублюдок! — прорычал Маттео, и его кулак нашёл уязвимую точку под рёбрами.

Машина рассекала фарами узкую извилистую дорогу и, взвизгнув тормозами, резко замерла у песочного пляжа, который освещала круглая луна.

— Приехали, — ухмыльнулся Амато, открывая дверь. — Пора заканчивать с этим уродом!

Они тащили его по песку, как мешок с мукой, оставляя за собой длинную борозду, которую тут же слизывала вода. Его ноги волочились, ботинки чертили две параллельные линии, и в них забивался песок — мелкий, колючий, как битое стекло. Дарио пытался подняться, но не мог — руки были связаны за спиной, и каждое движение отдавалось глухой болью в плечах.

— Развлечёмся напоследок. — Амато оскалился и нанёс хлесткий удар кулаком в живот. Дарио согнулся пополам, и его стошнило на собственные ботинки. Маттео, подхватив инициативу, ударил его по лицу, разбив губу. Дарио упал на колени и не мог вдохнуть, ощущая жгучую боль.

— Ха! Слабак! — Амато прыгал вокруг него, словно боксёр на ринге. — Куда делась твоя спесь, высокомерный ублюдок? — Он развернулся и ударил его ногой в живот.

Боль вспыхнула раскалённой иглой, и Дарио невольно согнулся, утыкаясь лицом в мокрый песок.

Маттео со всей силы ударил его ногой по рёбрам. Мир перевернулся, рассыпался на миллион осколков, но Дарио стоял на коленях, как молящийся.

— Вы боитесь меня. — Дарио поднял голову, и в его глазах полыхнуло презрение. — Я чувствую ваш страх. Он воняет мочой, как у загнанных крыс!

— Кусок дерьма! — Маттео побагровел от ярости. Он подошёл к Дарио, схватил его за волосы, запрокинул голову, обнажая горло.

— Ты чёртов мертвец, Риччи, — сказал он и вытащил нож, который блеснул в лунном свете.

Удар пришёлся в бок. Острый, ледяной — и адская боль пронзила его, и крик вырвался из горла и разнёсся над равнодушной водой.

Маттео медленно вытащил нож из его тела, лезвие скользнуло по рёбрам, оставляя за собой огненный след.

— Раз, — произнёс он с азартом убийцы. — Я хочу, чтобы ты слышал, сколько отметин я оставляю в подарок, чтобы даже в аду ты помнил моё имя.

Второй удар — в плечо. Нож вошёл под ключицу, провернулся, и Дарио почувствовал, как рвутся мышцы, как что-то хрустит внутри, как мир становится красным маревом.

Третий удар — в бедро. Дарио упал, не выдержав, и его голова ударилась о мокрый, холодный песок. Он слышал свой собственный хрип, похожий на дыхание умирающей собаки.

— Семь, — послышался голос где-то клубящейся над ним тьмы.

Амато подошёл, оттолкнул Маттео и склонился над истекающим кровью телом.

— Посмотри на меня, свинья, — приказал он жёстким тоном, обдавая кислым дыханием.

Дарио посмотрел. Сквозь кровь, пелену, тьму, которая уже начала затягивать края сознания. Он посмотрел и улыбнулся. Криво. Сломанно. Вызывающе.

— Я... запомню... тебя, — выдохнул он из последних сил. — И... убью.

— В следующей жизни, ублюдок! — Амато рассмеялся и безжалостно вонзил нож в живот. Восьмой. Девятый?

Дарио потерял сознание, утонув во тьме — тёплой, мягкой, словно материнское одеяло.

Амато встал, вытер нож о брюки Дарио, срезал верёвки и пнул его ногой, подталкивая к воде, и волны стали качать его тело, словно в колыбели.

— Увидимся в аду, засранец! — сказал он и отстранился, испытывая удовлетворение от проделанной работы. Присев на корточки, он тщательно вымыл руки и обтёр их о трикотажные штаны.

— Плохому или хорошему всегда наступает конец, — Маттео взглянул на бездыханное тело и сплюнул на землю. — Пошли, пора получить свои бабки за контракт.

— Целую неделю провозились с этим ублюдком. — Амато поморщился, шагая по вязкому песку. — Каццо! В нашем списке остался ещё Козимо.

— Этим уродом мы займёмся завтра, — возразил Маттео, отмахиваясь рукой. — Поехали лучше по девочкам, мне надо снять стресс.

— Я бы выпил холодного пива! — заявил Амато, поднимаясь на холм по извилистой тропинке. — В баре где танцует та грудастая блондинка, как там её?

— Оливия! — Маттео похабно ухмыльнулся. — У неё и жопа ничего! Я бы ей вдул пару раз!

Море не приняло Дарио, выбросив на мокрый песок, и волны, ленивые, пенистые, накатывали на его ноги. Он чувствовал их, но не мог пошевелиться или простонать. Жизнь поки-

дала его, вытекая из девяти ран — ножевых, глубоких, рваных — и смешивалась с водой, с песком, с утренним туманом, который поднимался над заливом.

Он приоткрыл глаза, чтобы взглянуть на просыпающееся небо. Оно было серым, как старая простыня, как лицо его матери перед смертью, как тарелка, в которой не было еды. Чайки метались над головой — пронзительные, голодные, их голоса вгрызались в утреннюю тишину. Дарио знал: они ждут и чувствуют его кровь. Они сядут на него, как только глаза остекленеют.

Он попытался пошевелиться и вдохнуть, но в горле булькнуло, и он закашлялся, кровь брызнула изо рта — тёплая, солёная, как море.

Он лежал один. На пляже, где прошлым летом целовал какую-то танцовщицу из «Театро Сан-Карло». Где в сентябре пил виски с людьми, которые преклоняли перед ним головы из страха.

Он закрыл глаза и провалился в темноту, где почему-то пахло домом и хлебом, с хрустящей коркой, с тёплым мякишем, который таял во рту, если жевать медленно, и отдавал солью и дрожжами. Дарио чувствовал этот запах, и сердце его сжалось — не от боли, от чего-то другого, давно ушедшего.

«Мама, — подумал он с тоской. — Я не хочу умирать!»

Перед глазами поплыли картинки прошлого.

Мама стояла у плиты — худая, с тёмными кругами под глазами, в платке, который вечно сползал на лоб. Её руки, красные от воды и щёлочи, месили тесто.

— Дарио, — сказала она, не оборачиваясь, — кроме теста у нас больше ничего нет, я испеку фокачча, и мы попьём вместе чай.

Ему было всего пять, и он бежал по узкой тропинке, острые камешки впивались в босые ступни, оставляя на коже тонкие, едва заметные царапины.

Впереди высился высокий забор с ржавой сеткой. Он пролез под ней, как голодный щенок, который, презрев страх перед кнутом, всё равно тянется к чужой миске. В тот миг в нём не было ни гордости, ни достоинства — только первобытный, жгучий голод и отчаянная надежда на хоть кроху тепла.

Яблоки лежали на земле — жёлтые, с бурыми пятнами, местами червивые, будто сама природа ставила на них клеймо непригодности. Но для него они были сладкими. Он хватал их жадно, торопливо, пока руки и подол рубашки могли удержать добычу, и каждый плод казался ему маленьким чудом, вырванным у равнодушного мира.

А потом он бежал назад — к матери, к дому, к теплу, которое было не столько в стенах и печке, сколько в её усталых, но всё ещё нежных руках. И в этом бегстве, в стуке маленьких босых ног по твёрдой земле, в пальцах, сжимавших яблоки, была вся его короткая, но уже такая тяжёлая жизнь.

Она стояла у двери, когда он вбежал. Яблоки высыпались на стол, покатались и ударились друг о друга.

— Мама, смотри! — сказал он восторженно. — Я принёс! Мы будем есть фокачча с яблоками!

Она посмотрела на яблоки, потом перевела удивлённый взгляд на него.

— Сынок, — сказала она и погладила его по голове. — Ты украл яблоки у сеньора Джавани?

— Но мы же есть хотим! — крикнул он с отчаянием. — Ты сказала, что в доме ничего нет! А у него они просто валяются в саду!

Она покачала головой и заплакала. Он смотрел на её слёзы и не понимал. Всё, чего он хотел, — чтобы в доме был хлеб и они больше никогда не голодали.

— Я больше не буду, — сказал он, обнимая её с отчаянием. — Мама, я больше никогда не украду.

Она прижала его к себе, и он чувствовал её тепло, быстрое биение сердца и безграничную любовь.

— Хорошо, — прошептала она, смахивая слезу. — Хорошо, сынок.

И вдруг всё исчезло, оставив только густую, тёмную, как нефть, ярость.

«Я не сдохну здесь, я выживу, — подумал он. — Я найду их, даже если придётся вернуться из ада».

Тьма накрыла его, мягкая, как материнская рука, забирая боль и тревоги.

Глава 2. пляж.

Баколи ещё не проснулся, а солнце только начинало золотить крыши домов на холме. По извилистой дорожке бежала девушка, её розовые шорты вспыхивали ярким пятном среди густой зелени.

Ванесса Боттичелли любила это время и неслась вперёд навстречу солнцу. Её старые кроссовки мягко глотали неровности вытоптанной тропинки, отстукивая привычный ритм.

Она улыбнулась, глядя на бирюзовую гладь залива, на ленивые волны, которые накатывали на песок, впитывая энергию нового дня. Ноги несли её вдоль пляжа Сан-Монтано, туда, где каменная тропинка упиралась в скалы.

Её взгляд скользнул по береговой линии и зацепился за тёмное пятно там, где песок сливался с водой. Она решила, что это мусор. Какая-то бесформенная куча тряпья, выброшенная капризными волнами, — может, старый мешок или дохлая рыба.

Не сбавляя темп, Ванесса с любопытством рассматривала странный предмет, застывший на берегу. И когда она приблизилась настолько, что смогла различить очертания, сердце её пропустило удар, а потом рванулось в груди, как пойманная птица.

Это был человек. Его поза кричала о чём-то страшном, а волны лениво лизали края его одежды, будто пытались стереть эту картину из реальности. На секунду ей показалось, что время остановилось: даже чайки, до этого пронзительно кричавшие над головой, вдруг смолкли, и в этой звенящей тишине она услышала собственный прерывистый вдох.

Ванесса остановилась, тяжело дыша, и с опаской смотрела на тёмный силуэт, распластанный на мокром песке.

«Нет, — подумала она. — Нет, это не то, что я думаю. Это просто... просто кто-то спит. Пьяный. Бездомный. Может, заблудившийся турист».

Она торопливо спустилась по каменистой дорожке и чуть не упала, ухватившись за куст. Она подошла ближе и увидела кровь, которая разлилась по песку, словно сама тьма решила обрести форму и осесть у кромки воды. Её было так много, что берег утратил свой золотой цвет, потемнел, будто впитал в себя само отчаяние. Лужа ползла, жадная и неторопливая. Каждая волна, касаясь её, на миг растворяла мрак в нежной розовой дымке, словно море пыталось смыть грех, превратить трагедию в акварельный сон.

Мужчина лежал на спине, костюм свисал рваными лоскутами, будто не только ткань, но и сама его судьба была изорвана в клочья. Белая рубашка стала алой, словно хотела вобрать в себя всю боль этого берега, весь горький шёпот прибоя.

Лицо его было бледным, как мрамор забытого надгробия, — холодным, отстранённым, будто он уже переступил порог этого мира и теперь смотрел на него из какой-то иной, безмолвной дали. Следы ударов ложились на черты его лица резкими багровыми тенями, превращая в страшную маску окончательности, за которой не слышно ни вздоха, ни мольбы.

Ванесса застыла, и время вокруг неё тоже остановилось, рассыпавшись на острые, звенящие осколки мгновений. Она не могла оторвать взгляда: это было как смотреть в бездну, которая вдруг ответила ей тишиной. Кровь была везде, словно пыталась удержать ускользающий свет на песке, въедаясь в него, становясь частью этой земли.

Она испуганно оглянулась по сторонам. Никого. Пляж пуст, только в кафе на холме горел тусклый свет.

Она посмотрела на мужчину и робко шагнула к нему, заметив, как его пальцы дрогнули. Ванесса опустилась на колени рядом с ним и протянула руку к его лицу, ощутив едва заметное дыхание.

— Эй, — прошептала она дрожащим голосом. — Эй, вы меня слышите?

Он не ответил, и только багровая кровь продолжала течь из его ран.

Она вскочила и побежала к кафе. Триста метров по песку, по камням, по траве. Она бежала быстрее, чем когда-либо в жизни. В лёгких горело, ноги гудели, но она не останавливалась, потому что знала — каждая секунда может спасти жизнь человека.

Кафе «Альба» находилось на вершине холма, и его хозяин, старик Беппе, уже открывал ставни, когда Ванесса влетела внутрь.

— Синьорина! — воскликнул он, удивлённо тараща на неё глаза. — Что случилось? Вы белая как...

— Телефон, — выдохнула она. — Срочно, Беппе, там человек на берегу, он ранен!

Он показал на старый аппарат у стойки. Ванесса схватила трубку, пальцы дрожали, и она с трудом набрала номер — 118, «Скорая помощь».

— пляж Сан-Монтано, — проговорила она, когда на том конце ответили. — Человек. Раненый. Много крови. Пожалуйста, приезжайте скорее.

Услышав в ответ подтверждение, она положила трубку и взволнованно посмотрела на Беппе.

— Помогите мне, пожалуйста, — сказала она настойчиво. — Он там. Один. Я не могу оставить его в беде.

— Мамма миа! — воскликнул Беппе, всплеснув руками. — С таких новостей день начинается! — Он схватил куртку, и они побежали к человеку, которого мир уже похоронил.

Мужчина лежал в той же позе, но всё ещё был жив. Ванесса опустилась на колени и прикоснулась к его холодной ладони. Она смотрела на его лицо, и в этот момент он показался ей ребёнком, потерянным и одиноким.

— Дыши, помощь уже близко, — прошептала она, склоняясь над ним. — Дыши, слышишь? Не умирай, чёрт тебя возьми!

Беппе стоял рядом и молчал. Он видел многое за свои шестьдесят лет, но такое — впервые.

Машина скорой помощи приехала через двадцать минут, разрывая тревожной сиреной безмятежное утро. Врачи выскочили из машины, осмотрели раненого мужчину, погрузили в реанимобиль, попутно расспрашивая о происшествии.

— В какую больницу вы его повезёте? — спросила Ванесса у сосредоточенных медиков.

— В госпиталь Федерико, — буркнул врач, подключая кислородную маску.

— Я навещу его завтра? — уточнила Ванесса, обеспокоенно наблюдая за манипуляциями.

— Если выживет! — Врач захлопнул дверь перед её носом, и скорая умчалась.

— Ты для него сделала всё, что могла. — Беппе одобрительно кивнул. — В такое жестокое время живём, Ванесса, ничего не поделаешь. — Он беспомощно развёл руками.

— Спасибо за помощь, Беппе, надеюсь, что ему помогут. — Она тяжело вздохнула. — Мне к девяти на работу, ещё увидимся. — Она лучезарно улыбнулась и побежала вдоль пляжа.

Баколи просыпался, уютно устроившись на склонах мыса Мизено. Двухэтажные белые дома с терракотовой черепицей выстроились вдоль узких улиц, утопающих в серебре оливковых деревьев. Мимо них шла Ванесса, приветствуя знакомых, встречающихся по дороге.

Она толкнула дверь в прачечную, где гудели стиральные машины, словно напевая монотонный мотив начинающегося рабочего дня. Зайдя в раздевалку, Ванесса стянула с себя бирюзовое платье, накинула синий халат и, завязав волосы в высокий хвост, направилась в бельевую комнату.

— Присоединяйся, подруга. «Регина» и «Ботания» позаботились, чтобы мы с тобой не скучали. — Мими указала на огромные белые мешки с грязным бельём.

— Сезон начался, — присвистнула Ванесса, включаясь в процесс, и развязала мешок. — Вот уж Бриджида порадует.

— Она сказала, что будет к обеду, и нам с тобой лучше все эти кучи перестирать. Она на термальные источники поехала, там большой заказ. — Мими вытащила партию чистого белья и заложила следующую.

— Тогда я запускаю каландр. — Ванесса включила кнопку и ловко пропустила первую простыню, которая автоматически сложилась в выглаженный прямоугольник.

К обеду в прачечной воздух сгустился от зноя, а пар обволакивал всё вокруг, витая под потолком и оседая на стенах. Ванесса вытирала полотенцем пот, тонкими струйками стекавший по вискам и шее, склоняясь над каландром, словно пыталась разгладить резиновую бесконечность этого дня, который никак не желал сжиматься в привычные рамки.

Они закончили лишь тогда, когда солнце, утомлённое долгим путём по небу, медленно погружалось в морскую гладь, окрашивая горизонт в тёплые, прощальные тона. Приняв прохладный спасительный душ и надев платье, Ванесса наконец выдохнула, освобождаясь от плена рутины.

— Мне кажется, что пиццу и бокал Кьянти мы с тобой сегодня точно заслужили. — Мими подкрасила губы бледно-розовой помадой. — У меня желудок сводит только от одной мысли о еде.

— Мне надо купить сыр, черри, перец и вонголе. — Ванесса повернулась к ней, расчёсывая длинные чёрные волосы. — Но от кусочка пиццы я не откажусь.

— Значит, сначала заглянем на рынок и в лавку к Перрелла, а потом к «Маме Розе». Надеюсь, что прожорливые туристы оставили для нас столик. — Она улыбнулась и подхватила белую дерматиновую сумочку с известным логотипом.

— Ты опять очередную подделку купила в Неаполе? — фыркнула Ванесса, разглядывая белое недоразумение.

— Она ничем не отличается от настоящей, и вообще это не подделка, а реплика, понятно? — съязвила Мими, показав язык. — Зачем тратить целое состояние на то, что можно купить за копейки?

— Я тоже не понимаю. — усмехнулась Ванесса. — Наверное, богачам деньги некуда девать.

— Тогда пусть поделятся с нами, мы же не против. — Мими расхохоталась, захлопнув входную дверь. — Меня даже уговаривать не надо.

— Не вижу желающих! — хихикнула Ванесса, шагая по узкой улице. — Шансов встретить миллионера в Баколи — один к бесконечности.

— Такие рыбки даже в Неаполь редко заплывают, — подтвердила Мими, поправляя подол платья. — Как я выгляжу?

— Ты опять будешь строить глазки Аллесандро? — удивилась Ванесса, показывая жестом: класс.

— Он не самый завидный жених Кампании, но чертовски красивый мерзавец, — заявила Мими, широко улыбаясь. — И где мне оттачивать навыки флирта? В прачечной?

— Умм, так ты тренируешься? — съязвила Ванесса, выразительно жестикулируя руками. — Тогда у тебя уже неплохо получается.

— Я стараюсь! — Мими открыла дверь в лавку и расплылась в улыбке. — Добрый вечер! — произнесла она с придыханием и захлопала длинными ресницами. — У вас есть пекорино романо?

За эти три дня, пока Дарио без сознания лежал в больнице, Неаполь не рухнул — он продолжал жить, будто и не заметил пропажи одного из своих сыновей. Жизнь текла, как бурная, своенравная река, зажата между тесными улочками, мчалась, пенилась, разбивалась о пороги ступеней и края тротуаров.

Монументальное серое здание госпиталя, угрюмое и неприступное, высилось среди изящных построек прошлых столетий, словно холодное бельмо на глазу у старого, но всё ещё

прекрасного города. Высокие кипарисы, стройные и молчаливые, обступали здание, словно стражи, призванные не столько оберегать, сколько подчёркивать его отчуждённость.

Поднявшись по широким каменным ступеням, Ванесса взялась за тяжёлую дверь — та поддалась не сразу, будто не хотела впускать её в свой сдержанный, стерильный мир. Она шагнула в просторный холл, где воздух был пропитан запахом лекарств и тихой, напряжённой тишиной. На секунду она замешкалась, пропуская вперёд мужчину на костылях; его неторопливые, выверенные движения отозвались в её груди странным, щемящим сочувствием, и ей вдруг показалось, что время в этом месте течёт иначе — медленнее, тяжелее, будто каждое мгновение здесь взвешивают на невидимых весах.

Торопливо, почти бегом, она поднялась на третий этаж и вошла в коридор хирургического отделения — длинный, светлый, но отчего-то казавшийся бесконечным. За стойкой сидела уже знакомая медсестра и сосредоточенно заполняла журнал.

— Здравствуйте. — Ванесса замерла перед ней, ожидая ответа.

— Твой Монтана сегодня пришёл в себя, — с улыбкой ответила медсестра.

— Почему Монтана? — удивилась Ванесса, сжимая в ладонях ремешок сумки.

— Он ничего не помнит, — медсестра пожала плечами. — Его привезли с пляжа Монтана, мы его так записали. Хочешь его навестить?

— Если можно, — замялась Ванесса, слегка покраснев.

— Седьмая палата, слева, только халат и шапочку надень. — Она кивнула на вешалку.

— Спасибо, — пролепетала Ванесса, натягивая белую шапку на голову, и зашагала по коридору, на ходу застёгивая халат.

В палате стояла звенящая тишина, воздух был пропитан горьковатым запахом антисептиков, который очерчивал невидимую границу между жизнью и краем пропасти. Несколько кроватей стояли в ряд, словно безмолвные свидетели чужих судеб, но взгляд Ванессы сразу нашёл ту, что у окна. Там, под тонкой больничной простынёй, лежал мужчина, которого она спасла. Он спал, его лицо, покрытое синяками и кровоподтёками, казалось маской боли, а бинты, туго обвивавшие тело, прятали под собой следы человеческой жестокости.

Ванесса аккуратно опустилась на стул рядом с кроватью, стараясь не нарушить эту хрупкую тишину, не потревожить его сон ни скрипом дерева, ни даже слишком глубоким вздохом. В душе она искренне радовалась, что он наконец пришёл в сознание и скоро поправится.

Неожиданно он открыл глаза и посмотрел на неё неприветливо и холодно.

— Ты меня нашла? — прохрипел мужчина, впиваясь изучающим взглядом.

— Да, — ответила Ванесса. — Я бегала по пляжу. Увидела вас. Вы были без сознания. Я вызвала скорую.

Дарио разглядывал её красивое лицо и искал подвох в её голубых глазах, жажду наживы или корысть, но, кроме наивности и доброты, ничего не находил.

— Больше не приходи сюда! — произнёс он грубым тоном и отвернулся.

Ванесса растерялась. Она ожидала благодарности или хотя бы «спасибо», но он всем своим видом показывал, что разговор закончен.

— Я хотела убедиться, что вы живы, — сказала она, встав со стула. — Но вы ведёте себя как псих. — И направилась к двери, выкрикнув: — Чао, Монтана! — Она вышла и тихо закрыла за собой дверь.

— Что-то ты быстро. — Медсестра усмехнулась, столкнувшись с ней в коридоре.

— Больной психом оказался, — усмехнулась Ванесса, торопливо снимая халат и шапочку. — Надеюсь, вы его вылечите!

Она без сожаления покинула отделение, снимая с себя всю ответственность, и беззаботно спустилась по лестнице, размахивая красной сумкой.

ГЛАВА 3. ТЕНЬ НАД ЗАЛИВОМ

Дарио остался лежать на узкой, неудобной больничной койке.

Она ушла, щёлкнув дверью, как норовистая кобыла, и оставила после себя цветочный аромат, который в этот момент его раздражал.

За двадцать восемь лет он перевидал женщин всех мастей — актрис с их отточенной грацией, танцовщиц с огнём в глазах, аристократок с ледяной безупречностью, проституток с усталой, горькой правдой во взгляде. Они пахли по-разному: дорогими духами, пряным потом, крепким виски, — но ни одна из них не пахла наивностью и морем, этой чистой, солёной свежестью, в которой нет ни расчёта, ни притворства. Дарио усмехнулся и поморщился от боли.

— Строптивая, — пробормотал он в пустоту. — Наивная идиотка.

Он не испытывал благодарности, лишь холодное, циничное уважение. Благодарность — чувство слабых. Она спасла ему жизнь, значит, такова судьба. Он давно выжег сентиментальность дотла, оставив только лицемерие и расчёт.

«Если бы она знала, кто я, — подумал он, прикрывая глаза, — оставила бы умирать на пляже. Но, видимо, до сих пор верит, что мир можно спасти».

Он вспомнил её большие глаза, голубые, как небо над Неаполем в ясную погоду.

«Интересно, — подумал он, — кто она? Судя по платью, горничная или официантка».

Он знал это потому, что сам вырос в грязи и нищете и видел, как мир перемалывает таких, как она. И он не хотел быть тем, кто запустит эту мясорубку.

— Я сделаю тебе одолжение, детка, — прошептал он, глядя в белый потолок. — Я исчезну из твоей жизни.

Этим утром он специально притворился, что ничего не помнит. Когда врач спросил его имя, он сделал вид, что силится вспомнить, но не может. Медсестра записала в карту «Монтана» — это было удобно и безопасно. Пока он лежал здесь, под чужим именем, никто не знал, что Дарио Риччи жив. Ни его враги. Ни его капо. Никто.

Он закрыл глаза и позволил себе провалиться в сон, где не было ни запаха цветов, ни голубых глаз, ни глупой, бессмысленной надежды.

В это же время в ресторане «Ла Скала дель Соле» на виа Рома ужинал Сальваторе Мерлини — холёный, статный мужчина с модной стрижкой тёмных волос. В полумраке ресторана на его мизинце вспыхивал перстень с изображением льва с открытой пастью. Он словно замер в вечном рыке, с молчаливым предупреждением: здесь правят сила и воля, и мои законы. Пятнадцать лет Мерлини был капо ди тутти капи Альянса, союза семей каморры.

Он сидел за столиком у окна, откуда открывался вид на залив. Закат уже догорал, и небо над Неаполем полыхало алым и золотым, как кровь, смешанная с мёдом. Сальваторе любил это место, он смотрел на бескрайнее море, на рыбацкие лодки, покачивающиеся на волнах, на любопытных туристов, чьи карманы обчищали борсайоло, и наслаждался атмосферой города.

Напротив него сидел его консильери — Винченцо, или просто Ченцо, как называли его в узком кругу. Толстый, лысеющий, с вечно вспотевшим лбом, он жевал пиццу с такой жадностью, будто не ел неделю. Сыр тянулся длинными нитями, масло капало на подбородок, но Ченцо не обращал внимания. Он вытирал пальцы салфеткой, поднимал бокал с виски и прихлёбывал маленькими глотками.

— Все мы смертны, — произнёс Капо с долей сожаления. — Даже лучшие из нас.

Он поднёс бокал к губам и отпил красное вино, но не ощутил удовольствия, только горечь невосполнимой потери.

— Печальная новость, Сальве, — кивнул Ченцо, отхлебнув виски. — Дарио был хорошим псом. Верным. Жаль, что так вышло.

Сальваторе поморщился. Ему не нравилось слово «был». Оно звучало окончательно, как приговор.

— Тело пока не нашли, — с горестной тяжестью в голосе произнёс он, уставившись в пустоту, где, казалось, растворились все надежды. — Возможно, сукин сын выжил и сейчас где-нибудь зализывает раны.

— Сальве, ты сам знаешь, в нашем мире чудес не бывает, — Ченцо покачал головой, и его двойной подбородок качнулся, как студень. — Упокой его душу.

Он поднял бокал с виски и медленно отпил, глядя на капо поверх стекла. Глаза у Ченцо были масляными, как у старой, хитрой крысы.

— Возьми на его место Дино, — посоветовал он, непринуждённо махнув рукой. — По мне, так он надёжный солдат. Не такой умный и изворотливый, как Дарио, зато верный и исполнительный.

Сальваторе метнул в него злой взгляд и оскалился, словно разъярённый зверь.

— Дино? — переспросил он, приподняв брови. — Тот, который прошлый раз перепутал адрес и сжёг не ту лавку? Ты называешь его надёжным?

Ченцо беспомощно пожал плечами.

— Все ошибаются! — Он выразительно развёл руками.

— Я пока подумаю, — отрезал Капо, сжимая тонкие губы. — У Дарио есть особый дар — выживать при любых обстоятельствах. Его мне никто не заменит!

Ченцо хотел возразить, но в этот момент дверь ресторана распахнулась, и внутрь вбежал запыхавшийся Космо. Его лицо было белым, как мел, и он тяжело дышал, оглядываясь по сторонам.

— Капо, — выдохнул он, склоняя голову. — В Миано возникли проблемы.

Сальваторе окинул его нечитаемым взглядом, и его лицо потемнело, как небо перед грозой.

— Говори, — процедил он, понижая голос, с лёгкой прищуренной внимательностью вглядевшись в капореджиме.

— Люди из клана Личчарди подожгли три наши точки, магазины, пиццерию «Роза дель Венто» и устроили погром на улицах. Мы вступили в бой, двух из них положили, остальные успели уйти. Там сейчас пожар, приехала полиция, жители в панике, — Космо протараторил на одном дыхании, не поднимая взгляда.

Сальваторе сжал кулак, и вены на его руках вздулись, как реки на старой карте.

— Кто сеет ветер, пожнёт бурю, — произнёс он жёстким тоном. — Посчитайте ущерб, и мы предъявим им счёт!

— Люди возмущены, Капо. Они говорят, что мы не можем их защитить, и спрашивают, за что они нам платят пиццо? — Космо произнёс это виновато, будто каждое слово царапало ему горло.

— Передай каждому недовольному: Миано принадлежит Альянсу, и мы решаем, кого и когда защищать. А если это их не устраивает, пусть проваливаются! — Сальваторе бросил фразу, процедив её с едкой интонацией.

Космо коротко кивнул, подтверждая, что принял сказанное без возражений, и отступив на пару шагов, удалился.

Ченцо отставил бокал, и его лицо, обычно бесстрастное, стало серьёзным.

— Мусорщики открыто нарушают соглашение, Сальве, — сказал он тихо. — Им нужен Секондильяно, Миано и Меркато, они не хотят делить с нами Неаполь!

— Стронцо! Двадцать лет этот подонок Личчарди клюёт мою печень. — Сальваторе скривился, словно каждый звук отдавался в челюсти острой болью.

— Сальве, нам пора указать, где его место, иначе мы рискуем потерять влияние над городом, — сказал Ченцо, придвигаясь к столу. — Я могу договориться о встрече.

Капо взял бокал и посмотрел на своё угрюмое отражение в стекле.

— Времена изменились, Ченцо. В семидесятые мы занимались контрабандой сигарет, контрафактом и вымогательством, в восьмидесятые — строительством, алкоголем и борделями, сейчас к этому списку добавились политика и туризм. — Он выговорил фразу с усталой обречённостью. — Но кокос приносит самый большой доход, а где его толкают?

— На улицах, — произнёс Ченцо и вытер рот салфеткой. — Значит, нам не избежать войны!

— Теперь я не сомневаюсь, что Личчарди убили Дарио. Он контролировал эти районы, его боялись и уважали. — Сальваторе с горькой интонацией обронил эти слова, неподвижно глядя на бескрайнее море.

— Да, его боялись, — подтвердил Ченцо, жуя. — Но, с другой стороны, может, и к лучшему, что его нет. Люди прислушивались к нему.

— Он выполнял мои приказы, не забывай! — резко перебил Сальваторе, повысив голос.

— Всё так, Сальве, но власть — очень хрупкая вещь, особенно в нашем мире, — подчеркнул Ченцо, наклоняясь ближе. — Молодые львы опасны.

— Опасны, если их не дрессировать, — хмыкнул Сальваторе, посмотрев на собеседника. — Или ты мне что-то хочешь сказать, а, Ченцо?

— Моё дело — вовремя тебя предупредить и дать нужный совет, — заявил консье́ри спокойным голосом, поднимая ладони вверх.

— Мы ответим Личчарди, — капо поднялся из-за стола, одёрнул пиджак и направился к выходу.

— Сальве, — окликнул его консье́ри. — Удача любит сильных!

Сальваторе кивнул и вышел на улицу, посмотрев на звёзды, которые уже зажглись над заливом.

— Капо, — произнёс Лино, открыв перед ним дверь автомобиля. — На улицах неспокойно, нам лучше вернуться в особняк.

— Капо Альянса никогда не будет прятаться за спинами своих солдат! — рявкнул Сальваторе, нахмутив грозно брови. — Мы едем в Миано!

Дарио остался лежать на узкой, неудобной больничной койке.

Она ушла, щёлкнув дверью, как норовистая кобыла, и оставила после себя цветочный аромат, который в этот момент его раздражал.

За двадцать восемь лет он перевидал женщин всех мастей — актрис с их отточенной грацией, танцовщиц с огнём в глазах, аристократок с ледяной безупречностью, проституток с усталой, горькой правдой во взгляде. Они пахли по-разному: дорогими духами, пряным потом, крепким виски, — но ни одна из них не пахла наивностью и морем, этой чистой, солёной свежестью, в которой нет ни расчёта, ни притворства. Дарио усмехнулся и поморщился от боли.

— Строптивая, — пробормотал он в пустоту. — Наивная идиотка.

Он не испытывал благодарности, лишь холодное, циничное уважение. Благодарность — чувство слабых. Она спасла ему жизнь, значит, такова судьба. Он давно выжег сентиментальность дотла, оставив только лицемерие и расчёт.

«Если бы она знала, кто я, — подумал он, прикрывая глаза, — оставила бы умирать на пляже. Но, видимо, до сих пор верит, что мир можно спасти».

Он вспомнил её большие глаза, голубые, как небо над Неаполем в ясную погоду.

«Интересно, — подумал он, — кто она? Судя по платью, горничная или официантка».

Он знал это потому, что сам вырос в грязи и нищете и видел, как мир перемалывает таких, как она. И он не хотел быть тем, кто запустит эту мясорубку.

— Я сделаю тебе одолжение, детка, — прошептал он, глядя в белый потолок. — Я исчезну из твоей жизни.

Этим утром он специально притворился, что ничего не помнит. Когда врач спросил его имя, он сделал вид, что силится вспомнить, но не может. Медсестра записала в карту «Монтана» — это было удобно и безопасно. Пока он лежал здесь, под чужим именем, никто не знал, что Дарио Риччи жив. Ни его враги. Ни его капо. Никто.

Он закрыл глаза и позволил себе провалиться в сон, где не было ни запаха цветов, ни голубых глаз, ни глупой, бессмысленной надежды.

В это же время в ресторане «Ла Скала дель Соле» на виа Рома ужинал Сальваторе Мерлини — холёный, статный мужчина с модной стрижкой тёмных волос. В полумраке ресторана на его мизинце вспыхивал перстень с изображением льва с открытой пастью. Он словно замер в вечном рыке, с молчаливым предупреждением: здесь правят сила и воля, и мои законы. Пятнадцать лет Мерлини был капо ди тутти капи Альянса, союза семей каморры.

Он сидел за столиком у окна, откуда открывался вид на залив. Закат уже догорал, и небо над Неаполем полыхало алым и золотым, как кровь, смешанная с мёдом. Сальваторе любил это место, он смотрел на бескрайнее море, на рыбацкие лодки, покачивающиеся на волнах, на любопытных туристов, чьи карманы обчищали борсайоло, и наслаждался атмосферой города.

Напротив него сидел его консильери — Винченцо, или просто Ченцо, как называли его в узком кругу. Толстый, лысеющий, с вечно вспотевшим лбом, он жевал пиццу с такой жадностью, будто не ел неделю. Сыр тянулся длинными нитями, масло капало на подбородок, но Ченцо не обращал внимания. Он вытирал пальцы салфеткой, поднимал бокал с виски и прихлёбывал маленькими глотками.

— Все мы смертны, — произнёс Капо с долей сожаления. — Даже лучшие из нас.

Он поднёс бокал к губам и отпил красное вино, но не ощутил удовольствия, только горечь невосполнимой потери.

— Печальная новость, Сальве, — кивнул Ченцо, отхлебнув виски. — Дарио был хорошим псом. Верным. Жаль, что так вышло.

Сальваторе поморщился. Ему не нравилось слово «был». Оно звучало окончательно, как приговор.

— Тело пока не нашли, — с горестной тяжестью в голосе произнёс он, уставившись в пустоту, где, казалось, растворились все надежды. — Возможно, сукин сын выжил и сейчас где-нибудь зализывает раны.

— Сальве, ты сам знаешь, в нашем мире чудес не бывает, — Ченцо покачал головой, и его двойной подбородок качнулся, как студень. — Упокой его душу.

Он поднял бокал с виски и медленно отпил, глядя на капо поверх стекла. Глаза у Ченцо были масляными, как у старой, хитрой крысы.

— Возьми на его место Дино, — посоветовал он, непринуждённо махнув рукой. — По мне, так он надёжный солдат. Не такой умный и изворотливый, как Дарио, зато верный и исполнительный.

Сальваторе метнул в него злой взгляд и оскалился, словно разъярённый зверь.

— Дино? — переспросил он, приподняв брови. — Тот, который прошлый раз перепутал адрес и сжёг не ту лавку? Ты называешь его надёжным?

Ченцо беспомощно пожал плечами.

— Все ошибаются! — Он выразительно развёл руками.

— Я пока подумаю, — отрезал Капо, сжимая тонкие губы. — У Дарио есть особый дар — выживать при любых обстоятельствах. Его мне никто не заменит!

Ченцо хотел возразить, но в этот момент дверь ресторана распахнулась, и внутрь вбежал запыхавшийся Космо. Его лицо было белым, как мел, и он тяжело дышал, оглядываясь по сторонам.

— Капо, — выдохнул он, склоняя голову. — В Миано возникли проблемы.

Сальваторе окинул его нечитаемым взглядом, и его лицо потемнело, как небо перед грозой.

— Говори, — процедил он, понижая голос, с лёгкой прищуренной внимательностью вгляделся в капореджме.

— Люди из клана Личчарди подожгли три наши точки, магазины, пиццерию «Роза дель Венто» и устроили погром на улицах. Мы вступили в бой, двух из них положили, остальные успели уйти. Там сейчас пожар, приехала полиция, жители в панике, — Космо протараторил на одном дыхании, не поднимая взгляда.

Сальваторе сжал кулак, и вены на его руках вздулись, как реки на старой карте.

— Кто сеет ветер, пожнёт бурю, — произнёс он жёстким тоном. — Посчитайте ущерб, и мы предъявим им счёт!

— Люди возмущены, Капо. Они говорят, что мы не можем их защитить, и спрашивают, за что они нам платят пиццо? — Космо произнёс это виновато, будто каждое слово царапало ему горло.

— Передай каждому недовольному: Миано принадлежит Альянсу, и мы решаем, кого и когда защищать. А если это их не устраивает, пусть проваливают! — Сальваторе бросил фразу, процедив её с едкой интонацией.

Космо коротко кивнул, подтверждая, что принял сказанное без возражений, и отступив на пару шагов, удалился.

Ченцо отставил бокал, и его лицо, обычно бесстрастное, стало серьёзным.

— Мусорщики открыто нарушают соглашение, Сальве, — сказал он тихо. — Им нужен Секондильяно, Миано и Меркато, они не хотят делить с нами Неаполь!

— Стронцо! Двадцать лет этот подонок Личчарди клюёт мою печень. — Сальваторе скривился, словно каждый звук отдавался в челюсти острой болью.

— Сальве, нам пора указать, где его место, иначе мы рискуем потерять влияние над городом, — сказал Ченцо, придвигаясь к столу. — Я могу договориться о встрече.

Капо взял бокал и посмотрел на своё угрюмое отражение в стекле.

— Времена изменились, Ченцо. В семидесятые мы занимались контрабандой сигарет, контрафактом и вымогательством, в восьмидесятые — строительством, алкоголем и борделями, сейчас к этому списку добавились политика и туризм. — Он выговорил фразу с усталой обречённостью. — Но кокос приносит самый большой доход, а где его толкают?

— На улицах, — произнёс Ченцо и вытер рот салфеткой. — Значит, нам не избежать войны!

— Теперь я не сомневаюсь, что Личчарди убили Дарио. Он контролировал эти районы, его боялись и уважали. — Сальваторе с горькой интонацией обронил эти слова, неподвижно глядя на бескрайнее море.

— Да, его боялись, — подтвердил Ченцо, жуя. — Но, с другой стороны, может, и к лучшему, что его нет. Люди прислушивались к нему.

— Он выполнял мои приказы, не забывай! — резко перебил Сальваторе, повысив голос.

— Всё так, Сальве, но власть — очень хрупкая вещь, особенно в нашем мире, — подчеркнул Ченцо, наклоняясь ближе. — Молодые львы опасны.

— Опасны, если их не дрессировать, — хмыкнул Сальваторе, посмотрев на собеседника. — Или ты мне что-то хочешь сказать, а, Ченцо?

— Моё дело — вовремя тебя предупредить и дать нужный совет, — заявил консьюери спокойным голосом, поднимая ладони вверх.

— Мы ответим Личчарди, — капо поднялся из-за стола, одёрнул пиджак и направился к выходу.

— Сальве, — окликнул его консьюери. — Удача любит сильных!

Сальваторе кивнул и вышел на улицу, посмотрев на звёзды, которые уже зажглись над заливом.

— Капо, — произнёс Лино, открыв перед ним дверь автомобиля. — На улицах неспокойно, нам лучше вернуться в особняк.

— Капо Альянса никогда не будет прятаться за спинами своих солдат! — рявкнул Сальваторе, нахмутив грозно брови. — Мы едем в Миано!

Глава 4. Возвращение.

Ровно двадцать один день Дарио пролежал в больнице под чужим именем, считал швы на своём теле, слушал, как за окном воет сирена, и ждал, когда раны затянутся достаточно, чтобы он мог сжать кулаки.

Утром он связался с Анджело. В детстве они жили по соседству в Испанском квартале, вместе научились воровать кошельки у зазевавшихся туристов, потом мотали срок на острове Низида и вступили в каморру. Он был единственным человеком, на кого Дарио мог положиться.

Он ушёл из госпиталя в полночь, бесшумно, как тень. Облокотившись на машину, Анджело таращился на него, словно на приведение.

— Я тебя уже отпел, — произнёс Анджело, крепко обнимая друга.

— Ты поторопился, — буркнул Дарио, хлопнув его по плечу. — Одежду привёз?

— На заднем сиденье, — кивнул Анджело, открывая дверь. — Я рад, что ты жив, брат.

— Какие новости? — спросил Дарио, скидывая больничную пижаму.

— Как только ты пропал, клан Личчарди устроил погромы в Миано и Секондильяно. Мы потеряли Вэнни и малыша Джони. Меня отправили развозить пиццу.

— Не знаешь почему? — спросил Дарио с издёвкой и криво усмехнулся.

— Я солдат, Дарио, а не подручный капо, — разозлился Анджело. Двигатель взревел, и автомобиль рванул вперёд.

Огни ночного Неаполя мелькали за окном, рассыпаясь в темноте пёстрыми бликами. Старенький фиат остановился у высоких ворот, за которыми скрывался особняк, вокруг которого цвели олеандры и гортензии.

Удивлённая охрана расступилась перед Дарио, как море перед Моисеем. Он вошёл в холл, где горел тусклый свет. Прошёл по длинному коридору, мимо картин и гобеленов с изображениями прекрасных нимф, и остановился у приоткрытой двери из тёмного дуба. Толкнув её, он уверенно шагнул внутрь.

В высоком кресле сидел Сальваторе, в белой рубашке с закатанными рукавами до локтей, и пил виски. У массивного стола из красного дерева стоял Дино, непринуждённо засунув руки в карманы бежевых брюк. Он заметно побледнел, увидев на пороге неожиданно воскресшего Риччи. Сальваторе смотрел на него молча, сканируя внимательным взглядом, и явно ожидал разумных объяснений.

Медленно приблизившись к капо, без лишних движений, Дарио поднял рубашку, обнажая багровые рубцы на своём теле. Девять шрамов, словно зловещие отметки, говорили куда красноречивее пустых слов.

Сальваторе смотрел на шрамы, и его лицо оставалось неподвижным, словно маска, но в глазах мелькнула тень гнева и ярости.

— Кто? — спросил он коротко, не отрывая взгляда, будто считал шрамы.

Опустив рубашку, Дарио посмотрел на капо.

— Ублюдки Личчарди, — ответил он уверенным тоном и перевёл взгляд на Дино. — Их было трое, и только ты знал, что я поеду в Рионе. — Он надвигался на него. — Ты предал нас, Дино. — В его руке блеснул нож, и он молниеносно приставил его к горлу предателя.

— Нет! — Дино вытаращил глаза так, будто перед ним разверзлась бездна. — Нет, Дарио, ты ошибаешься! Я ничего не говорил! Клянусь! Клянусь своей матерью!

— Ты предатель, — сказал Дарио, прижав лезвие. — Ты продал свою семью, свинья.

Холодея от страха перед неминуемым концом, Дино резко выкрутился и рванул в сторону. Он попытался добежать до двери, но Дарио был быстрее. Он перехватил его, прижал к

стене, и лезвие вошло в горло Дино — медленно, почти нежно, как любовник, который целует в последний раз. Кровь хлынула фонтаном, забрызгала бежевую стену и ковёр.

Дино захрипел. Его глаза расширились, и в них застыл вечный ужас. Он сполз по стене, оставляя на ней кровавый след, и рухнул на пол, как мешок с дерьмом.

Дарио вытер нож о его рубашку и спрятал в ножны на щиколотке.

Капо смотрел с отвращением и ненавистью на истекающее кровью тело, застывшее в неестественной позе. Он поднял бокал, который отставил, и плеснул в него виски из графина, стоящего на столе.

— Мне он никогда не нравился, — хмыкнул он, кивнув на труп. — Меня всегда настораживают засранцы, привыкшие угождать и пресмыкаться.

Он поднял бокал и посмотрел с гордостью на Дарио.

— С возвращением, мальчик мой. Выпьешь со мной?

Дарио взял бокал, который протянул ему капо. Виски пахло дымом и дубом. Он поднёс его к губам и выпил залпом. Жидкость обожгла горло, разлилась теплом по груди.

— Где ты был всё это время, чёрт тебя возьми! Я весь Неаполь перевернул! Почему не сообщил? — спросил Сальваторе, наливая себе ещё. — У нас на улицах бардак! Мы потеряли несколько кварталов, точки, солдат. — Он повысил голос. — Личчарди завалил кокосом город, и его толкают даже торчки!

Дарио поставил пустой бокал на стол. Его глаза, тёмные, как вода в заливе, встретились с глазами капо.

— Я займусь этим, — сказал он и взглянул на лужу крови, растекающуюся на полу. — И найду тех, кто превратил меня в кусок мяса на пляже Сан-Монтано.

— Мало кто выживает после такого, — согласился капо, облокотившись на стол. — Кровь за кровь, Дарио, мера за меру. Я не заказывал реквием по тебе, ждал твоего возвращения. Святой Януарий меня услышал и вернул в семью.

— Аминь, — произнёс Дарио, прикрыв глаза. — С твоего позволения, я поеду домой.

— Тебе нужно отдохнуть, как и мне. Впереди нас ждёт война. — Сальваторе усмехнулся, но в этом не было ни капли тепла — только холодная ирония над тем, как всё обернулось.

— Я пришлю парней прибраться, — сказал Дарио, переступив через мёртвое тело так, будто это был не человек, а тень, случайно упавшая поперёк порога, лишённая веса и смысла.

Он прикрыл за собой дверь, и щелчок замка прозвучал в тишине громче выстрела, окончательно отрезая прошлое от того, что ждало впереди.

В коридоре тени от бра извивались на стенах, корчились и плясали, словно призраки тех, кто когда-то верил, что сумеет вырваться из этой паутины. Их отпускали. Посмертно.

Он вышел на улицу. Машина стояла у ворот, двигатель тихо урчал, и дым от сигареты Анджело таял в ночном воздухе.

— Ну что? — спросил Анджело, когда Дарио сел на пассажирское сиденье. — Дино?

— Мёртв, — коротко ответил Дарио, щёлкнув зажигалкой. — Мерда! Он сидел с нами за одним столом и смеялся в лицо. — Он хлопнул ладонями по коленям.

Анджело склонил голову в коротком, почти ритуальном кивке, признавая вес услышанного.

— Куда едем? — спросил он, со скрежетом включив первую передачу.

— Домой, — ответил Дарио, затягиваясь сигариллой. — Хочу помыться и выспаться.

Он высунул руку в открытое окно, и тёплый ветер ласково защекотал кожу, пробежавшись по пальцам едва уловимой дрожью, словно хотел рассказать что-то тайное, известное только ему.

Утром Дарио заехал в Испанский квартал и будто провалился сквозь годы назад, в собственное детство. Картина не изменилась ни на йоту: те же облупившиеся трущобы, кое-где зияли пустые проёмы, затянутые картоном или тряпьем.

У обочины толклись мальчишки — юркие, с бегающими глазами, в которых читалась привычная настороженность и готовность в любую секунду сорваться с места. Они скользили по переулкам, как тени, высматривая, где можно что-то урвать: кошелек из небрежно распахнутой сумки, часы с зазевавшегося прохожего. В их движениях была та самая хищная ловкость, которая рождается не от жестокости, а от голода и необходимости выживать.

Дарио притормозил, опустил стекло и негромко подозвал одного из них:

— Эй, пацан, подойди, дело есть.

Мальчишка замер на миг — в нём боролись любопытство и осторожность, — потом всё же шагнул ближе, держа дистанцию, готовый в любой момент рвануть прочь.

— Как тебя зовут? — спросил Дарио спокойно, чуть наклонив голову.

— Я знаю, кто ты, — ответил пацан дерзко, без тени робости, будто это нахальство служило ему щитом. Он ткнул пальцем в сторону обшарпанного дома с гнилыми рамами, косо висевшими на петлях: — Ты раньше жил вон там.

Дарио усмехнулся — не насмешливо, а скорее с тенью старой, знакомой горечи.

— Верно. — Он оглядел мальчишку: чумазый, в потрёпанной рубашке, слишком большой для его тощей фигуры, с царапиной на скуле, будто он только что выкарабкался из очередной уличной передраги. Но в этих бегающих глазах была живая смекалка, умение считать мир на лету.

— Хочу предложить тебе работу и твоим друзьям, — он кивнул на мальчишек, прятавшихся за углом, но уже вытягивавших шеи от любопытства.

Пацан прищурился, мгновенно переходя на деловой тон:

— Сколько?

— Плачу тысячу лир за каждый день, — произнёс Дарио ровно, выдерживая взгляд мальчишки.

— Каждому? — уточнил тот, быстро прикинув в уме, сколько это будет на всю их стайку.

— Каждому, — подтвердил Дарио, скользнув взглядом по чумазым лицам, выглядывавшим из-за угла.

Глаза мальчишки вспыхнули — не столько от радости, сколько от внезапного ощущения собственной значимости:

— Что нужно делать?

Дарио чуть наклонился вперёд, понизив голос, будто делился секретом, который мог изменить их жизнь:

— Шнырять по кварталам. Наблюдать. Кто приходит, кто уходит, кто о чём шепчется в подворотнях, кто и куда возит товар. Всё, что покажется странным или важным. За действительно ценную информацию буду доплачивать — пять тысяч лир.

Мальчишка на секунду замер, переваривая услышанное, потом выпалил, будто боялся, что предложение исчезнет, как утренний туман:

— Ты берёшь нас в клан?

Вопрос прозвучал не столько о деньгах, сколько о принадлежности, о том, чтобы перестать быть просто уличной шпаной, а стать частью чего-то большего, пусть даже и тёмного.

— Меня зовут Рико, — вдруг добавил он, будто запоздало вспомнив о простейших правилах уважения. — И ты точно заплатишь? — В голосе мальчишки мелькнула тень привычной недоверчивости — той самой, что рождается, когда обещания слишком хороши, чтобы быть правдой.

— Слово Дарио Риччи, — спокойно ответил он и протянул руку.

Рико секунду колебался, потом решительно пожал её — крепко, по-взрослому, будто этим рукопожатием он тоже давал какую-то клятву.

Дарио смотрел на него и понимал: лучших осведомителей ему не найти. Эти мальчишки знали каждый переулок, каждую щель в стенах, тайный ход, о котором не догадывались ни

полицейские, ни бандиты. Они были невидимы именно потому, что выглядели как часть этого убогого, забытого всеми места.

А ещё он знал это потому, что сам когда-то был таким же — тощим, голодным и незаметным, скользким по этим самым улицам, высматривающим, где бы ухватить хоть кроху удачи. И теперь, глядя на Рико и его друзей, он видел не просто голодных мальчишек, а отражение собственного прошлого, которое научило его выживать и диктовать условия, а не ждать подачек.

— Держи аванс. — Дарио протянул десять тысяч лир. — Знаешь кафе на Виа Коста?

— У замка Капуано? — спросил Рико, сжимая в ладони купюры.

— Я там пью кофе ровно в десять, — произнёс Дарио, сжав пальцами руль. — Покрутитесь на Баньоли и Поццуоли, мне нужно знать, откуда привозят спиртное в ночные клубы.

Красный «Феррари» рванулся вперёд, будто сам жаждал скорости, и помчался по улицам его детства, где когда-то рождались первые дерзкие мечты.

Через пять дней он уже знал маршруты, время поставок, номера машин и даже, как зовут водителей и грузчиков. Мальчишки со всей ответственностью отнеслись к делу и отработывали каждый солди.

На улице Страда Вильена стояла густая, почти осязаемая тишина, которая бывает только в мёртвые часы. Тьма лежала на мостовой тяжёлым покрывалом, и лишь одинокий, тусклый свет дрожал на втором этаже старого консервного завода. Стены насквозь пропитались запахом томатов, и он казался не пряным и летним, а тяжёлым, сладковато-гнилостным.

В небольшом кабинете, тесном и душном, клубился табачный дым, поднимаясь к облупившемуся потолку. Десять крепких молодых мужчин курили и внимательно слушали Дарио, который уверенно сказал:

— Нам пора преподать урок мусорщикам. — Он обвёл взглядом напряжённые лица своих подручных. — Он хочет толкать снег и алкоголь на наших улицах и не считаться с Альянсом. Мы можем ему это позволить?

— Стронцо! Да пошёл он в жопу! — высказался Козимо, показав неприличные жесты.

— Что ты предлагаешь? — спросил Пино, сложив руки на груди.

Дарио достал карту Неаполя и разложил её на столе.

— Мы прийдём туда, где нас не ждут. Мы сожжём их склады дотла и подпольный алкогольный завод. Он находится здесь. — Он обвёл красным маркером. — В Джантурко.

— Ты уверен? — Ринальдо почесал подбородок. — Там же химические заводы.

— Удобно, да? — хмыкнул Дарио, тыкая в карту. — Порт рядом и железнодорожный вокзал. Идеальная логистика для контрабанды, и полиция не сунется лишний раз.

— Его наверняка охраняют! — подметил Козимо, рассматривая карту. — Как мы туда проберёмся?

— Со стороны виа Брин, в четвёртом пролёте забор откручен, — заявил Дарио уверенно. — Я сегодня лично проверил. Мы войдём туда и рассредоточимся. Пино и Космо пойдёте вот сюда. — Он тыкнул в карту. — Ориентир — железнодорожные пути, там склады, и вы должны их уничтожить.

— Может, нам стоит сначала подготовиться? — возразил Пино, сверля его взглядом. — Мы не знаем, где посты охраны, расположения зданий.

— На твоём пути охраны нет. — Дарио указал маркером место на карте. — Они сидят у центрального входа, их пять человек, вооружены пистолетами, тридцать второй калибр. В подвале бутылки с горючим. Поедем на скутерах, как только пламя разгорится, возвращаемся обратно. Вопросы?

— Погнали, на месте разберёмся! — выпалил Анджело, потирая ладони. — Устроим Личчарди праздничный фейерверк.

Дарио усмехнулся с расчётливой жестокостью.

— Я хочу, чтобы клан Личчарди ощутил свою потерю! — произнёс он торжественным тоном.

Юркие мопеды пересекли несколько кварталов и остановились в тёмном переулке, погасив фары. Мужчины двигались, словно тени, вдоль серых домов и бетонных заборов промышленного района. Беспшумно и стремительно они окружили старое трёхэтажное здание, откуда доносились глухие, механические звуки работающей техники.

Горящие бутылки взмывали в воздух, описывая дугу в чернильном небе, и врезались в окна с безжалостной точностью. Стёкла разлетались вдребезги, рассыпаясь на тысячи острых осколков, которые на миг вспыхивали в отсветах пламени. Огонь хлынул внутрь, жадный и беспощадный, и тут же начал пожирать всё на своём пути.

Крики людей, оглушённые ужасом и паникой, вырывались наружу вместе с клубами дыма и гари, смешивались с ночным воздухом, превращаясь в единый, надрывный стон. Люди выскакивали на улицу, спотыкались, падали, их силуэты мелькали в огненном свете, словно мотыльки.

Скутера тарахтели, мчась по дороге, заглушая треск и дыхание пламени, взмывающего вверх над Джантурко. Оглянувшись назад, Дарио смотрел на багровое зарево своей мести, испытывая холодное удовлетворение.

Глава 5. Шрамы.

Ранним утром в спортивном зале воздух был пропитан вёдливим запахом пота и старой кожи, глухие удары по груше отдавались в груди, щёлкала скакалка и лязгали цепи. Тяжёлое дыхание смешивалось с тихими ругательствами парней с оголёнными торсами, помеченными шрамами и татуировками.

На ринге кружились Дарио и Козимо — два хищника, вынужденные на время стать спарринг-партнёрами. Вокруг, у канатов, стояли мужчины и наблюдали за схваткой, и в их взглядах читалось любопытство — кто из двоих окажется сильнее, кому достанется негласное первенство в стае.

Козимо рванулся вперёд, выбрасывая правый кулак — резко, яростно, будто хотел одним ударом стереть с лица Дарио эту привычную, раздражающую уверенность. Дарио уклонился с ленивой грацией, едва заметно качнув корпусом, и скользнул по рингу, словно лев, изучающий соперника. Его движения были текучими, почти гипнотическими: ни лишней суеты, ни спешки — только холодная точность.

Уловив момент, когда Козимо слегка потерял равновесие после замаха, Дарио вложил в удар всю накопленную силу — мощный, выверенный апперкот пришёлся точно в подбородок. Время будто замерло на долю секунды, а потом Козимо рухнул на пол, тяжело ударившись о маты, и на мгновение застыл, не понимая, что произошло. Он встряхнул головой, пытаясь вернуть ясность, и перед глазами поплыли тёмные круги, смешиваясь с пятнами света.

— Я же тебе говорил, ставь защиту, — хмыкнул Дарио, протягивая ему руку. На его губах играла лёгкая, почти незаметная усмешка.

— Ты меня левой ударил! — возмутился Козимо, хватаясь за протянутую ладонь и поднимаясь на ноги. В его голосе звенела обида, смешанная с досадой на собственную оплошность. Он потёр подбородок, морщась от боли.

— У меня обе рабочие, — ухмыльнулся Дарио, снимая перчатки. — В драке правил нет.

— Я тоже не во дворце родился, — съязвил Козимо, потирая подбородок, пытаясь скрыть, насколько сильно его задел этот удар.

В этот момент к рингу подошёл Анджело, протягивая им полотенца.

— На Низиде действует одно правило: махай кулаками, если хочешь выжить! — пояснил он серьёзным тоном. — Хорошо, что зубы уцелели.

— Спасибо, ты меня прямо успокоил, — огрызнулся Козимо, спрыгивая с ринга. Он окинул взглядом мужчин, толпившихся у канатов, и рявкнул: — Что уставились? Тренируйтесь!

Зал на мгновение замер, а потом снова наполнился привычными звуками.

Дарио встал под прохладный душ, прикрыл глаза и позволил воде стекать по лицу и плечам, смывая соль, пот и напряжение.

Вытирая полотенцем волосы, Козимо прошёл мимо и на долю секунды обернулся. Его взгляд скользнул по торсу Дарио, и он на мгновение замер, но ничего не сказал. Только кивнул сам себе и вышел.

— Мамма миа, эти уроды тебя конкретно расписали, — возмутился Анджело, рассматривая шрамы на теле Дарио.

— Ты что, за мной подглядываешь? — цокнул Дарио, смывая пену с волос. Вода стекала по его лицу, размывая черты, и на секунду он стал похож на того мальчишку, который когда-то боялся темноты.

— Мне, по-твоему, делать нечего? — возмутился Анджело, оборачивая вокруг бёдер полотенце. — Как ты вообще выжил?

— Мама спасла, — буркнул Дарио, выключая воду.

— Она могла, — произнёс Анджело удручённым голосом, и в его тоне прозвучала тихая благодарность той женщине, которая когда-то спасала их обоих. — Помнишь, как я на чердаке на гвозди наступил? — спросил он, глядя куда-то в сторону, будто видел перед собой тот самый чердак, пыльный и тёмный.

— Она их вытащила, а потом ботинки твои клеила, — произнёс Дарио с лёгкой улыбкой. — Чтоб ты босиком не ходил, но ты их всё равно порвал через неделю.

— Дио мио, и почему ангелы так рано покинули нас, — вздохнул Анджело, направляясь в раздевалку.

Его шаги глухо отдавались в пустом пространстве, и казалось, он уносит с собой часть этой тяжёлой, но родной атмосферы, где боль и дружба сплетались в один неразрывный узел.

Мысли о возмездии кипели в груди Дарио, словно огненная лава, бурлящая в недрах вулкана, и эта жгучая, неукротимая сила заставляла его двигаться вперёд, сквозь тьму и сомнения, не ведая ни страха, ни усталости.

Он спланировал нападение на людей Личчарди без тени жалости или сожаления. В его голове всё было разложено по полочкам: маршруты, слабые места, часы, когда улицы пустеют, и те незаметные прорехи в чужой обороне, через которые можно проскользнуть. Он выдавливал их из районов монотонно, будто стравливал лишнее давление из перегретой системы, шаг за шагом, квартал за кварталом, не торопясь, но и не давая ни малейшей возможности зацепиться и удержать позиции.

В этом не было ярости — только ледяная, беспощадная логика, превращавшая территорию в покерный стол, где он хладнокровно разыгрывал каждую карту, а чужие козыри методично сходили с поля, проигрывая партию ещё до того, как успевали сделать ход.

Его палачи, словно жалкие крысы, попрятались по норам, и ему пришлось ступить в прокуренные, грязные притоны, где воздух был густ от чужих тайн и горечи пролитой крови, отзываясь глухим эхом опасности. Одна из шлюх оказалась слишком болтливой и жадной: стоило ему показать пачку денег, и она сразу сдала место, где отсиживался Маттео.

Под покровом ночи старенький фиат остановился на углу серого четырёхэтажного дома, вдоль которого выстроились в ряд старые, выцветшие автомобили. Заглушив двигатель, Анджело, накинув капюшон толстовки, вышел из машины и направился к третьему подъезду. Через две минуты он появился вновь и прикурил сигарету, подавая знак.

— Он в квартире, — хмыкнул Козимо, уверенно дёрнув ручку. — Я пойду с тобой.

— Я сам закрою свой счёт! — сказал Дарио, выбираясь из салона.

— Я постою в подъезде, на всякий случай, — заявил Козимо, шагая рядом. — Может, кто-то из его дружков заявится.

Они тихо поднялись по лестнице на третий этаж и остановились возле обшарпанной коричневой двери, на которой вместо замка зияла дыра.

Толкнув дверь, Дарио вошёл в квартиру и поморщился от затхлого, вонючего запаха. Маттео был пьян, но не настолько, чтобы не услышать шаги. Он поднял глаза, и его лицо исказилось в презренной усмешке.

— Дерьмо... — процедил он, скривив губы. — Ты всё же не сдох. Жаль, я не перерезал тебе глотку!

— Ты совершил ошибку, ублюдок! — ответил Дарио, подходя ближе.

Маттео подскочил с дивана, разбил бутылку о стену и стал размахивать стеклянной розой.

— Так я это исправлю! — прохрипел Маттео, прыгая перед ним, словно боксёр на ринге. — Продолжим веселье, засранец! — Он сделал резкий выпад вперёд, но промахнулся.

— Помнишь, как ты считал? — спросил Дарио с ухмылкой и выхватил нож, обнажая лезвие. — Теперь я посчитаю за тебя.

Он рванул к нему и схватил Маттео за волосы, запрокинув его голову.

— Раз, — сказал Дарио громко и вонзил нож в плечо Маттео.

Крик был высоким, пронзительным, как у перепуганной косули.

— Два, — произнёс Дарио глухим голосом, всаживая нож под рёбра.

Кровь хлынула на пол, смешиваясь с осколками стекла и дешёвым виски.

— Три, — продолжал считать он, засадив лезвие в живот. — Четыре, — в бок, туда же, куда Маттео ударил его в ту ночь на пляже.

Маттео уже не кричал, а только хрипел, погружаясь в агонию нестерпимой боли.

— Пять, — выдохнул Дарио, вонзая лезвие в тело. — Шесть.

Каждый удар был точным и выверенным. Он делал это медленно, почти ритуально, давая Маттео почувствовать каждую секунду той боли, которую он причинил ему там... на берегу.

— Семь, — произнёс он, вонзая нож в грудь Маттео, но тот был уже мёртв, а на его лице застыла гримаса ужаса и страха.

Дарио отпустил его, и тело рухнуло на пол, как мешок с песком. Кровь растекалась по грязному полу и впитывалась в щели.

— Я всегда выполняю свои обещания, — процедил Дарио, глядя на мертвеца, и вытер нож о его штаны. — Не волнуйся, твои друзья скоро составят тебе компанию.

Он повернулся и тихо вышел из квартиры, но в нём ещё klokотала нестерпимая ярость и жажда мести, растекаясь по венам бешеным маревом.

В подъезде стояли Анджело и Козимо. Без лишних слов они спустились за ним, словно тени, и нырнули в тесный салон автомобиля, который сразу тронулся с места, растворяясь в ночи.

— Когда ты поменяешь этот драндулет? — возмутился Ринальдо, нервно переключая коробку передач. — Она скоро по дороге развалится.

— Но-но... не ругай мою малышку, она может обидеться и не завестись, — возразил Анджело, прикурив сигарету. — И потом, в ней куча плюсов: она неприметная, и её никто не украдёт.

— Так поставь её на стоянку и бери только на дело, — не унимался Ринальдо, со скрипом выжимая сцепление.

— Я не изменяю любимым женщинам, — съязвил Анджело, выпуская дым в окно. — В отличие от некоторых. — Он усмехнулся, стряхивая пепел.

— Иди в задницу, — буркнул Ринальдо, сворачивая в переулок. — Садись сам за руль, раз ты так её любишь, а я пас. — Он резко затормозил и вышел, хлопнув дверью.

— Какие мы нервные! — пробубнил Анджело, меняясь с ним местами. — Тебе надо пар выпустить, ты слишком агрессивный.

— Ты что, мой психотерапевт? — Ринальдо попытался вытянуть ноги, но упёрся в пол. — У тебя отвратительный вкус.

— Ты мне напоминаешь моего деда, он так же ворчал перед смертью, — выпалил Анджело и надавил на педаль газа под хохот друзей.

Глава 6. Темнота.

Район Позиллипо, раскинувшийся на скалистом полуострове, с видом на Неаполитанский залив, веками хранил печать избранности. Особняки в стиле неоклассицизма тянулись длинной, горделивой вереницей, словно стражи, охраняющие границу между миром обычных людей и царством тех, кто привык диктовать правила. Окружённые пальмами, елями и соснами, они казались островами покоя — но за их роскошными фасадами таилась иная жизнь, где красота служила лишь изящной оправой для куда более жестоких и тёмных дел.

В одном из особняков, за высокими стенами, обитала влиятельная семья Личчарди. Их богатство росло не на дивидендах и наследстве, а на контрабанде, мусоре и героине, на рисках, которые они превращали в золото, и на страхе, который научились чеканить, как монету.

Главой клана был Нико Личчарди — полноватый мужчина среднего роста, с высокими залысинами, которые подчёркивали благородную форму его лба, а крупный, с лёгкой горбинкой нос придавал лицу выражение уверенной, чуть ироничной силы. Тёмные волосы по бокам были аккуратно подстрижены и гладко зачёсаны. Бежевый костюм сидел безупречно, подчёркивая, что владелец знает толк в хороших тканях и крое. Но, как известно, внешность бывает обманчивой: Нико славился тяжёлым характером и в порыве гнева мог приставить ствол пистолета к голове оппонента и без сожаления нажать на курок.

Сегодня в немилость попал единственный сын, который не выполнил приказ и переступил незримую черту установленных правил клана.

— Мерда! Из-за твоей беспечности мы потеряли завод, солдат и Миано! — ревел Нико, сотрясая дубовый стол гулками ударами. — Тысячи бутылок! Лучших курьеров! Миллионы лир! И ты мне сейчас говоришь, что Дарио Риччи жив?

— Отец, я сам не знал, пока утром не нашли исполнителя, — возразил Мео, беспомощно разводя руками. — Его зарезали, как свинью. Я был уверен, что Дарио уже месяц кормит рыб в заливе!

— Ты должен был лично убедиться, а не полагаться на слова этих говнюков! — взревел Нико, расхаживая по кабинету. — Где Амато? Где это трепло, которое должно было его прикончить?

— Его ищут, — Мео сжал пухлые губы. В его глазах кипела ярость, смешанная со страхом. — Я его лично на куски порежу за предательство.

— Каццо! Ты его теперь не выкуришь, он забился в какую-то дыру и трясётся от страха, как крыса, — рявкнул Нико, покрываясь красными пятнами. — В следующий раз, Мео, выбирай исполнителей тщательнее.

— Да, отец, — кивнул Мео, чувствуя себя провинившимся ребёнком.

— Позвони Сенсо, пусть приедет, — произнёс Нико и сел в кресло. — Нам нужно дать достойный ответ Мерлини!

— Сенсо, как обычно, предложит тебе пойти на переговоры с чёртовым Альянсом, — возмутился Мео, жестикулируя руками. — Но так продолжаться больше не может! Мы в разы сильнее и влиятельнее их, но должны придерживаться грёбаного соглашения.

— Не тебе судить, — рявкнул Нико, сверкая злым взглядом. — Соглашение поддерживало стабильность между кланами.

— Времена изменились, папа, — произнёс Мео, опираясь ладонями о полированную столешницу. — И тебе придётся принять решение.

Буквально в двух тысячах метров от их особняка, на склоне пляжа Скоглионе, стоял на коленях Амато с багровыми ссадинами на лице и молил о пощаде.

— Кто меня заказал? — Дарио ударил его кулаком и рассёк бровь. Кровь потекла по виску, капая на землю.

— Пошёл ты, гавнюк! — процедил Амато, сплёвывая кровавый сгусток.

Резким, выверенным движением Дарио два раза ударил его ножом в живот. Сталь вошла, рассекая плоть и саму надежду на спасение.

Тело рухнуло на траву — тяжело, безвольно, словно земля сама притянула его к себе, жадно принимая новую жертву. Алая кровь окропила траву, превращая зелёные стебли в багровые нити, и этот цвет растёкся по земле, как немое свидетельство того, что здесь только что оборвалась жизнь.

— Катись в ад! — рявкнул Дарио, пнув бездыханное тело. — Скиньте эту свинью в море. — Он обернулся и посмотрел на Анджело и Космо, которые застыли в немом молчании.

— Такого быка рыбы за год не обглодают, — скривился Космо, ухватившись за его штанины. — Сколько в нём дерьма! — Они с трудом подняли тело и швырнули его в тёмные воды, услышав в ответ лишь громкий всплеск.

— Хоть кто-то будет ему рад, — пошутил Анджело, отряхивая одежду.

— Поехали в клуб, нам пора развлечься! — Дарио закурил, и дым смешался с солёным бризом, улетая в ночное небо.

— Ты успокоился? — хмыкнул Анджело и зашагал по узкой тропинке. — Ни черта не вижу! И почему мы все дела делаем ночью?

— Ты же не продаёшь джелато на пляже! — возмутился Космо, шагая следом. — Темнота скрывает наши грехи даже от нас. Мы с тобой не видели, как Амато обоссался, а он точно это сделал.

— Фу, иди помой руки, я не позволю осквернять мою малышку, — скривился Анджело и, прежде чем выскользнуть из темноты, огляделся по сторонам. — Вроде всё тихо, — буркнул он и шагнул на освещённую дорогу.

Клуб «Эра» прятался в районе Кьяйя и славился роскошной атмосферой. Здесь фейс-контроль был строже, чем в закрытых клубах, и пускали только по приглашениям или «своих». В список избранных Дарио включили с момента, когда он стал правой рукой капо Альянса.

Заведение встретило их с чуть ленивой приветливостью, какая бывает у мест, привыкших к большим деньгам и влиятельным особам. Здесь не старались понравиться, а скорее просто позволяли чувствовать себя частью элиты.

Устроившись на мягком диване, Дарио заказал односолодовый виски и лёгким, почти небрежным движением поманил к себе трёх девушек-хостес. Среди них была Николетта — стройная, голубоглазая блондинка. Он иногда проводил с ней время, когда хотел расслабиться и ни о чём не думать.

— Добрый вечер, — пролепетали девушки, растягивая пухлые губы. — Что бы хотели уважаемые сеньоры?

— Выпить и развлечься, — подмигнул им Анджело, ловко усаживая девушку к себе на колени. Его движения были расслабленными, но в них чувствовалась привычка брать то, что хочется, без лишних слов. — Что будете пить, красавицы?

— Шампанское, я предпочитаю кристалл, — ответила блондинка, обнимая его за шею и призывно улыбаясь, будто уже просчитала, сколько можно выжать из этой ночи.

На фоне гремела музыка, а воздух был наэлектризован соблазном. На танцполе тела двигались в едином порыве, сливаясь в одну большую волну, которая то накатывала, то отступала, подчиняясь битам.

— Я рада тебя видеть, Дарио, — улыбнулась Николетта, плавно меняя позу так, чтобы в ней одновременно читались и приветливость, и обещание чего-то большего.

— Попозже покажешь, насколько, — усмехнулся он, вальяжно развалившись в кресле. — У вас сегодня аншлаг?

Николетта кивнула в сторону второго этажа:

— Марио Карпани отмечает день рождения, у него много гостей.

— А тебя не пригласили? — хмыкнул Дарио, отпив глоток виски. Жидкость обожгла горло приятной, знакомой горечью.

— Он предпочитает брюнеток и рыжих, — ответила она с лёгкой, почти незаметной усмешкой. — На блондинок у него, видимо, аллергия.

— Ему не повезло, — Дарио подмигнул ей, а потом перевёл взгляд туда, где на втором этаже веселился сын консьюери. — Страффи и Руффо тоже здесь?

— Они постоянные гости клуба, — подтвердила Nicoletta, пригубив холодное шампанское. — Для мертвеца ты выглядишь отлично, — прошептала она ему на ушко и кокетливо улыбнулась.

— Тогда давай за это выпьем! — Дарио с ехидной ухмылкой поднял бокал. — За тех, кто выжил!

В три часа ночи красный «Феррари» мчался по Виа Бельведере и вскоре свернул в подземный гараж. Лифт бесшумно поднялся на верхний этаж. Дарио открыл дверь в апартаменты и пропустил Nicolettu вперёд.

Свет от панорамных окон падал на широкую кровать, застеленную чёрным шёлком. Без промедлений Nicoletta стянула платье и привычным движением отбросила его в сторону.

— Иди ко мне, — поманила она, соблазнительно опускаясь на колени перед ним. — Я помогу тебе расслабиться. — Её пальцы расстегнули молнию на его брюках и, приспустив их вместе с боксёрами, она освободила возбуждённую плоть.

— Он у тебя такой большой, — прошептала она и взяла его в рот — медленно и умело насаживаясь на всю длину.

Дарио прикрыл глаза и позволил себе расслабиться и сосредоточиться на удовольствии.

Она скользила губами по твёрдому стволу, заглатывая до основания, и ласкала языком, уделяя внимание крупной головке, облизывая её по кругу и пошло причмокивая. Ускоряя темп, она с большим усердием сосала его возбуждённый член, украдкой наблюдая за эмоциями на его лице.

Ему нравилось. Он не прикасался к ней, позволяя ей ублажать его плоть только ртом. Двигаясь ритмично, обхватив губами набухший фалл, она ладонью ласкала мошонку, поднимая импульс желания.

Резко толкнувшись бёдрами в её горло, Дарио кончил, выплёскивая терпко-солёное семя.

Глава 7. Ловушка.

Солнце пробивалось сквозь тонкие шторы, заливая спальню тёплым светом. Стеклопакеты на террасу были распахнуты, и ветер, пахнувший морем и цветущими олеандрами, шевелил тонкую тюль. С террасы открывался вид на залив — бирюзовый, бесконечный, с белыми яхтами, которые беспечно покачивались на волнах.

Открыв глаза, Дарио равнодушно взглянул на знакомый пейзаж и повернулся к Николетте, которая беззаботно спала рядом, подложив ладошку под щеку.

Рывком сев на кровати, Дарио провёл ладонью по груди. Шрамы на его теле всё ещё болели, напоминая ту ночь, когда смерть протянула к нему свою костлявую руку.

— Умм, ты куда? — пролепетала Николетта хрипловатым голосом и придвинулась к нему. — В клубе болтали, что тебя убили, — произнесла она и провела ладонью по его плечу. — Вижу, люди не врал. Ты что, был в аду?

— Ум-м, почти, — ответил он, прикрывая глаза. Её поцелуи были приятными, но он не чувствовал ничего, кроме пустоты.

— И кто болтал? — спросил он, оборачиваясь.

— Многие, — Николетта провела ладонью по его торсу, останавливаясь на талии. — Но я им не верила, — хмыкнула она, прислонившись щекой к его плечу. — Некоторые даже радовались. Люди боятся тебя, Дарио.

— Видимо, недостаточно сильно, — произнёс Дарио с иронией в голосе. — И не те, кто должен!

— Может, позавтракаем на набережной и отметим твоё возвращение? — Николетта отпрянула, встряхнув головой, и её шёлковые волосы рассыпались по спине.

— У меня дела, — буркнул он, поднимаясь с кровати. — Собирайся, я отвезу тебя домой.

Голый, он прошлёпал по холодному мраморному полу и скрылся за стеклянной дверью душевой. Она проводила его грустным взглядом, и в её глазах мелькнула досада.

Через час Дарио мчался вдоль набережной на блестящем красном «Феррари». Крыша кабриолета была открыта, и солёный ветер трепал его густые чёрные волосы. Район Кьяйя проносился мимо — роскошные бутики, отели, рестораны под открытым небом, белые яхты, покачивающиеся в гавани. Всё здесь дышало деньгами и статусом, и ему нравилось ощущать себя частью этого недостижимого мира.

Он припарковался на набережной у ресторана «Каракатица», замечая любопытные взгляды туристов, и направился на террасу, где Сальваторе увлечённо жевал свежие гребешки, запивая их белым вином.

— Капо, — произнёс Дарио, уважительно склонив голову.

— Садись, Дарио, — сказал Сальваторе, кивая на стул напротив. — Ты хорошо поработал эти дни, я тобой доволен.

— Ты позвал меня, чтобы похвалить? — спросил он с издёвкой, присев напротив и подняв руку, подзывая официанта.

— Личчарди просят о встрече, — заявил капо, отодвигая тарелку. — Я хочу, чтобы ты меня сопровождал.

Дарио нахмурился и почесал колючий подбородок.

— Когда? — он настороженно прищурил глаза.

— Сегодня в девять, — Сальваторе сделал паузу. — В Баколи.

Звучно цокнув языком, Дарио придвинулся к столу.

— Очень символично, — подчеркнул он, сложив руки на груди. — Другого места они не нашли?

— Им принадлежит ресторан «Флегрейские поля», — ответил капо, отпивая вино. — Там мы сможем всё спокойно обсудить.

— Или нас там пришьют, — усмехнулся Дарио, сверля его взглядом. — Тоже спокойно. Он заметил официанта, который застыл рядом с блокнотом, и рявкнул:

— Кофе и бискотти! Живо! У тебя две минуты!

Официант вздрогнул и бросился выполнять заказ. Дарио перевёл взгляд на Сальваторе, нервно барабанил пальцами по столу.

— Если хочешь знать моё мнение, то я против этой встречи, — заявил Дарио жёстким тоном. — Ты же сам понимаешь, Сальве, что это ловушка!

— Ченцо договорился с ними, — ответил капо уверенным тоном. — Мы не можем отказаться от встречи, он дал им слово.

— Кого оно волнует в наше время? — возразил Дарио, глядя на него с упрёком. — Подозреваю, что он тоже едет?

— Каждый из нас выполняет свою работу, мы соблюдаем правила, установленные не нами, — Сальваторе отпил вино. — Возьми верных людей и жди меня там.

— Твоё решение — закон, — Дарио поднял ладони вверх в примирительном жесте. — Ты капо.

Он приехал в Баколи за три часа до встречи. Он взял с собой Анджело и Козимо. Они ехали на «Феррари» по узким улочкам, где дома прилепились друг к другу, а воздух пах морем и рыбой. У Дарио было тревожное предчувствие, оно терзало его и не давало покоя, как и его шрамы.

— Дарио, смотри, какие цыпочки! — Анджело толкнул его в плечо и показал пальцем на двух девушек, идущих по улице. — А ну притормози!

— Ты ни одной юбки не пропускаешь, — усмехнулся он, поравнявшись с девушками, и нажал на клаксон.

— Красавицы, может, покатаемся? — выкрикнул Козимо, высовываясь по пояс из салона машины.

Девушки одновременно обернулись, и с лица Дарио мгновенно сползла улыбка. Он узнал её сразу — ту, которая спасла ему жизнь на пляже. Его пальцы вцепились в руль, а нога вдавила педаль до упора, будто этим рывком он хотел оставить позади не только улицу, но и собственные сомнения.

— Ты точно псих, Дарио! — заорал Козимо, неуклюже заваливаясь на сиденье. — Что они о нас подумают? Что мы их испугались? Что мы идиоты? Чёрт возьми, что ты творишь?

— Ты их плохо разглядел, обе страшные, как мартышки, — отмахнулся Дарио, не сбавляя скорости и лавируя на поворотах. — И включите мозги, нам не до развлечений!

— А вдруг нас сегодня грохнут? — возмутился Анджело, с упрёком взглянув на него. — Получается, это был последний шанс!

— Тебе в любой момент и кирпич может на голову упасть, — брякнул Дарио, глядя на дорогу.

Анджело хотел возразить, но, взглянув на сосредоточенное лицо Дарио, передумал и стал рассматривать улицы незнакомого района.

Звонко смеясь, девушки шли по улице, обсуждая неожиданную встречу.

— Ты видела его глаза? — Мими хохотала, держась за живот. — Он как будто увидел приведение! Почему такие идиоты ездят на Ferrari?

Конечно же, Ванесса узнала того, кто совсем недавно указал ей на дверь, но рассказывать такие подробности она не собиралась.

— Ненормальный какой-то, — буркнула она, стараясь не показывать волнения. — Я хочу джелато!

— Я буду с фисташками! — Мими широко улыбалась. — Хорошо, что завтра у нас выходной. Можно будет сегодня пойти потанцевать и, возможно, с кем-нибудь познакомиться.

— Тебе лишь бы найти приключений на пятую точку, — усмехнулась Ванесса, наклоняясь над стеклянным прилавком. — Я хочу персиковое и клубничное.

Она взяла рожок и лизнула языком холодную сладость, ощутив клубничный вкус, стараясь выкинуть непрошенные мысли из головы.

Вечер плавно опустился на город, как бархатная штора, и набережная наполнилась туристами. Из открытых дверей ресторанов доносилась музыка, смех, запахи жареной рыбы, морепродуктов и пряных специй.

Шагая по пирсу, парни тщательно выбирали точку обзора, но терраса ресторана «Флегрейские поля» была выдвинута в море, и прямого подхода к ней не было — это усложняло задачу.

— Если что-то пойдёт не так, я подам вам знак, — произнёс Дарио серьёзным тоном. — Я дотронусь до уха, и вы должны будете нас прикрыть.

— Зачем капо согласился встречаться на их территории? — возмутился Козимо, взъерошив ладонью волосы. — Это капкан, Дарио. Здесь плохой обзор, и уйти можно будет только морем.

— Мы здесь как ходячие мишени, — хмыкнул Анджело, оглядываясь по сторонам. — И на туристов мы точно не похожи.

— Это всё, что тебя сейчас волнует? — процедил Козимо и сел на парапет. — Нас тут как кур перестреляют, мы даже пикнуть не успеем.

— Слушай, твой пессимизм меня угнетает, — отмахнулся от него Анджело. — Будем действовать по обстановке.

— Я рассчитываю на вас, прикройте наши спины, с остальным мы разберёмся. — Дарио взглянул на часы. — Мне пора идти, капо подъезжает. — Друзья обнялись, ободряюще похлопывая друг друга по спине.

Чёрные «Мерседесы» плавно остановились у набережной, которую освещали жёлтые фонари. Открыв заднюю дверь, Дарио склонил голову, ожидая появления капо.

— Докладывай, — произнёс Сальваторе, поправляя чёрный пиджак.

— Личчарди в ресторане, с ним десять человек, — сообщил Дарио тихим голосом. — Капо, это плохая идея. — Он посмотрел в его глаза, мысленно подавая сигналы об опасности.

— Только трусы пасуют перед трудностями, — сказал Сальваторе, хлопнув его по плечу. — Посмотрим, что нам предложит Личчарди.

Он расправил плечи и бодро зашагал по тротуару. Дарио шёл позади, и каждый шорох, движение, любопытный взгляд заставляли его напрягаться. На входе их встретили трое угрюмых мужчин и молча пропустили внутрь, слегка кивнув головой.

На открытой террасе, за круглым столом, сидел Нико Личчарди в чёрной рубашке с коротким рукавом и классических брюках. За его спиной стояли сын Мео и консьюльери Сенсо, который сразу протянул руку Винченцо, крепко пожимая.

— Спасибо, что приняли наше предложение, — произнёс Сенсо с почтением, кивая Сальваторе.

— Война никому не нужна, — заявил Винченцо уверенным голосом. — Мы все теряем деньги и время.

— Для этого мы здесь и собрались, — сказал Нико, приветствуя Сальваторе. — Прошу, — он указал на кресло напротив.

Дарио посмотрел на пустой стол. Ни напитков, ни еды. Странно. Он огляделся — подручные Личчарди стояли по углам, их руки были скрещены на груди или спрятаны в карманах. Море билось о край террасы, и в этом плеске слышалась угроза.

Дарио встал ближе к краю террасы, спиной к морю. Так он мог видеть всех, кто был в зале, и подать сигнал. Он каждой порой ощущал надвигающуюся опасность.

— Мы пришли обсудить перемирие, — начал Сальваторе, садясь за стол. — Вы нарушили договор, Нико! Ты поставил своих людей управлять моими точками и толкал кокос, устроил погромы в моих районах и причинил немалый ущерб. Я готов закрыть на это глаза, если ты компенсируешь убытки и добровольно уйдёшь из Секондильяно.

Нико язвительно усмехнулся и придвинулся ближе.

— Секондильяно? — переспросил он с ноткой раздражения. — А почему я должен отдавать тебе районы, Сальве? Твоя власть тает, как снег на солнце. Ты не можешь обеспечить защиту тем, кто платит тебе пиццо. Ничего личного, побеждает сильнейший!

Сальваторе резко подался вперёд, принимая угрожающую позу.

— Ты забываешь, с кем говоришь, Нико, — процедил он сквозь зубы. — Территории были поделены пятнадцать лет назад, и ты с ними согласился. Но теперь ты решил не соблюдать соглашение и нарушить своё слово!

— Времена меняются, — ответил Нико, и его глаза стали холодными, как сталь. — Наши интересы и влияние увеличились, если ты до сих пор этого не заметил! Мы больше не собираемся придерживаться старых договорённостей.

Пока он говорил, Дарио стоял и чесал ухо, не отрывая взгляда от напряжённых мужчин, и ждал момента, когда кто-то из них дёрнется и обнажит оружие.

— Тогда будет война! — рявкнул Сальваторе, гневно сверкая глазами, и резко встал, опрокинув стул на деревянный помост.

В этот момент Мео выхватил пистолет, и Дарио бросился к капо, повалив его на пол, стреляя во все стороны без разбору.

Пах! Пах! Пах! Началась перестрелка. Пах! Пах! Пах!

Пули свистели над головой, вгрызаясь в столы, стены, в деревянные колонны. С берега раздался шквальный огонь, заставляя людей Личчарди спрятаться в укрытия.

— Сальве, уходим морем! — процедил Дарио, прицельно стреляя из пистолета, укладывая штабелями охрану Личчарди. — Давай ползи, я тебя прикрою.

— Мерда! — прохрипел Сальваторе, нажимая на курок. — Их слишком много на нас троих! — Он мельком взглянул на Ченцо, который прятался за столом и палил из пистолета.

— Уходи, Сальве! — крикнул Ченцо, вставляя новую обойму. — Я прикрою! — Он выдохнул и продолжил стрелять.

Пах! Пах! Пах! — раздалась выстрелы, и пистолет выпал из рук Винченцо и упал с глухим стуком.

— Каццо! — рявкнул капо, увидев мёртвого друга. — Нам пора убираться отсюда! — Он пополз к краю террасы, пока Дарио прикрывал его и палил из пистолета.

Кровь заливала деревянный пол, крики, звон стекла, грохот выстрелов — всё смешалось в один оглушающий хаос.

— Сальве, давай, прыгай! — прохрипел Дарио, но в ответ была лишь тишина. Он посмотрел на капо, лежащего у края с открытыми глазами и пулей в голове. — Дерьмо! — прохрипел он и перекатился в солёную воду, словно бревно.

Сквозь тёмную, густую толщу воды до него доносились глухие хлопки выстрелов — они звучали здесь странно, будто кто-то вдалеке хлопал в ладоши. Он плыл, сколько хватало сил, рассекая воду тяжёлыми, вымученными гребками, и каждый взмах рук давался всё труднее.

Ботинки, словно свинцовые гири, тянули вниз, а промокший пиджак облепил плечи и спину, сковывая движения, мешая вырваться из этой водяной ловушки. Но он не останавливался — не мог позволить себе ни секунды передышки. Лишь на миг вынырнул, рванул в лёгкие глоток воздуха — резкий, холодный, почти обжигающий, — и тут же снова ушёл под воду, будто сам стремился спрятаться в этой тёмной, спасительной глубине.

С берега по-прежнему летели пули — они вспарывали поверхность воды совсем рядом, выбрасывая вверх тонкие фонтаны брызг, словно злые иглы, пытающиеся нащупать его в темноте. Он снова погрузился и теперь уже плыл изо всех сил, отчаянно отталкиваясь ногами, будто хотел разорвать саму воду, пробиться сквозь неё к берегу, к чему-то, что ждало его там, за пределами этого кошмара.

Он плыл долго, упорно, стискивая зубы и не позволяя себе даже на миг поддаться усталости. И только когда огни ресторана, яркие и насмешливо праздничные, наконец скрылись за изгибом холма, он позволил себе поверить, что оторвался.

Дарио выполз на песок. Волны с глухим рокотом разбивались о скалы. Песок под ладонями был холодным, сырым, шершавым — он вцепился в него пальцами, словно боялся, что море снова потянет его назад.

Он перевернулся на спину и задышал часто и рвано, как загнанная лошадь, у которой уже нет сил бежать. Воздух входил в лёгкие с хрипом, обжигая, будто напоминая, что он всё ещё жив.

Небо над ним было тёмным, густо усыпанным звёздами — они смотрели сверху холодно и отстранённо, как равнодушные свидетели, которым нет дела до чужих бед. Словно в насмешку, с холма доносилась весёлая музыка и беспечный женский смех.

Дарио медленно сел и огляделся вокруг. Луна освещала пустой пляж, и только кафе на холме светилось разноцветными огнями.

Выдохнув, Дарио поднялся и пошёл по песку, оставляя за собой мокрые следы. Шагая по крутому склону, он настороженно прислушивался к каждому звуку, к шороху осыпающихся камешков, к далёким голосам. На минуту он замер, слившись с тенью выступающей скалы, и устремил взгляд на шумный бар. Сквозь распахнутые двери вырывались волны смеха и резких фраз, жёлтые огни дрожали в оконном стекле, а силуэты людей мелькали, точно фигуры в беспокойном калейдоскопе.

Убедившись, что угрозы нет, он вошёл в бар. Звук музыки ударил по ушам, а загоревшие тела двигались в такт стробоскопам. Воздух был густым от духов, пота и дешёвого алкоголя. Он шагнул к бару, лавируя между танцующими, и наткнулся на чью-то спину.

— Эй, смотри куда прёшь! — крикнул парень, но Дарио не обернулся. Он подошёл к высокому бармену, который разливал напитки, выставляя их на стойку.

— Телефон, — сказал Дарио. Голос его хрипел, как ржавая дверь. — Мне нужен телефон.

Бармен поднял глаза и окинул Дарио оценивающим взглядом.

— В углу, — сказал он, кивая на старый таксофон у стены.

Дарио кивнул и направился к нему. Он сунул руки в карманы брюк, которые были пусты, — всё забрало море.

— Дерьмо, — прошептал он и ударил ладонью по стене.

Он развернулся и оглядел зал. Танцующие фигуры, смеющиеся лица, блеск стекла и яркие огни. Свет упал на знакомое лицо. Она двигалась и смеялась, запрокинув голову, открыто и беззаботно. Её волосы, собранные в небрежный хвост, качались в такт музыке.

«На мою удачу, из всех баров в этом районе она выбрала именно этот», — подумал он и уверенно шагнул к ней.

Он схватил девушку за плечо и резко развернул к себе. Ванесса от неожиданности ахнула и с удивлением уставилась на него, округляя глаза.

— Опять ты! — воскликнула она, всплеснув руками. — И что с тобой случилось на этот раз? — Она недовольно фыркнула и оглядела его плачевный вид.

— Мне нужно позвонить, — заявил Дарио, кивая на таксофон. — Срочно.

— А я тут при чём? — удивилась Ванесса, скрестив руки на груди. — Иди и звони!

— У меня нет с собой денег, — сказал он резким, раздражённым тоном. — Одолжи мне до завтра.

Ванесса усмехнулась и упёрла руки в бока.

— Неужели? В обед у тебя была целая Ferrari, а сейчас даже ста лир нет? — Она удивлённо выгнула бровь. — Ты что, проигрался в карты? Или тебя ограбили?

— Долгая история, — буркнул Дарио, чвакая туфлями.

Мимо проплыла Мими с бокалом в руке. Она остановилась, заметив подругу в компании странного мокрого мужчины, и подошла ближе.

— Ты где так вспотел, красавчик? — спросила Мими с иронией в голосе, переводя взгляд с Дарио на Ванессу. — Ты его знаешь? — Она удивлённо приподняла брови.

— Ага, встречались, — ответила Ванесса с сарказмом и достала из кармана две сотни лир, протянула ему.

— Держи, — сказала она сухо. — И больше здесь не появляйся.

— Посмотрим! — ответил он, взяв деньги, и резко развернулся, направляясь к таксофону.

— Не забудь вернуть долг! — крикнула ему вдогонку Мими и расхохоталась.

— Ну зачем, Мими! — возмутилась Ванесса, глядя на мокрого парня, который судорожно набирал чей-то номер.

— Он красавчик, и почему я о нём ничего не знаю? — хмыкнула Мими, вопросительно уставившись на подругу.

— Потому что он псих! — отрезала Ванесса, отворачиваясь. — И магнит для неприятностей.

— Обожаю плохих парней, — Мими широко улыбнулась, покачиваясь в такт музыке и плясая на Дарио, который разговаривал по телефону.

— Пошли лучше выпьем, — Ванесса потащила подругу к бару, подальше от взгляда беспардонного мужчины.

Чеканя каждое слово в трубку телефона, Дарио отдавал жёсткие приказы:

— Нам объявили войну. Поднимай всех людей, распредели их по районам. Капо и Ченцо убиты, Личчарди идут за вами.

— Каццо! С остальными что? — спросил Ринальдо взволнованным голосом.

— Не знаю, займись делом, я скоро приеду, — Дарио сбросил звонок и выдохнул.

Он оглянулся на шумный бар, где беспечно веселились посетители, и направился к выходу. Там, снаружи, было темно, луна освещала извилистую дорожку, ведущую в Баколи, и он побежал по ней, надеясь, что найдёт своих друзей.

Он остановился на холме, откуда открывался вид на набережную, где вдалеке тревожно мерцали проблесковые маячки полицейских машин.

— Мерда! — выдохнул Дарио, сжимая кулаки, и посмотрел на пустынную дорогу.

Стараясь слиться с ночью, он передвигался, словно тень, прислушиваясь к каждому шороху. Рёв мотора заставил его спрятаться за раскидистым зелёным кустом и затаить дыхание.

Красная «Феррари» промчалась мимо него. Не сразу поверив в такую удачу, он громко свистнул ей вслед, и машина резко затормозила. Он рванул к ней без оглядки и запрыгнул на сиденье.

— Где тебя носило! — закричал Анджело и вдавил педаль газа. — Я уже второй раз тут проезжаю. Личчарди, полиция — как с цепи сорвались, по всему Баколи рыщут, а я как на корриде с красной тряпкой маячу у них перед глазами.

— Где Козимо? — спросил Дарио, оглянувшись назад.

— Он Лино и Вито везёт к эскулапу. На них сразу напали, как только прозвучали выстрелы, всех остальных положили. Ты когда прыгнул, мы тебя прикрывали, сколько могли, но твари были готовы к любому раскладу, мы едва ноги унесли.

— Чёрт! — выдохнул Дарио, взъерошив волосы. — Мы в полном дерьме!

— Я видел, как Нико застрелил капо, — произнёс Анджело обречённо. — У него была такая довольная рожа. — Он с презрением сплюнул в окно.

— Каццо! — Дарио ударил кулаком по сиденью. — Нас поймали!

Глава 8. Лев.

Его звонок спас многих, но не районы. Люди Личчарди появились там раньше и захватили территории, которые долгие годы принадлежали Альянсу. Тех, кто был не согласен с новыми порядками, избивали и заставляли работать, а особо разговорчивых убивали.

Альянс был в трауре несколько дней и хоронил своих людей, отдавая последнюю дань. После поминок в старом особняке на виа Рома проходило собрание кланов.

Дарио стоял перед высокими дубовыми дверями и чувствовал, как внутри него всё закипает от ярости. Он знал: Альянс винит его в смерти капо и может вынести смертельный приговор.

Он толкнул двери и вошёл в просторный зал. Высокие потолки, тяжёлые люстры, стены, увешанные портретами капо кланов в позолоченных рамах, наглухо задёрнутые бордовые шторы — всё создавало атмосферу звенящего напряжения.

За длинным столом сидели главы сорока пяти семей, и на их лицах отражалась скорбь и холодное презрение. Многих он знал лично: Козимо Борини из Марьянелла, старый Лоренцо из Сорренто, Страффи Боргезе из Неаполя, Итало Проди из Санто-Страто, Джино из Портичи, Артуро Кателли из Салерно, Гравана Ливио из Таранто и Марио Карпани — сын Винченцо, убитого в перестрелке.

Марио сидел на месте отца, и его лицо было бледным, а глаза — красными от гнева и горя. Дарио прошёл к своему месту — рядом с креслом, где когда-то сидел Сальваторе, капо Альянса. Он сел, и тишина повисла над залом, как топор над головой.

— Сегодня нас объединило общее горе, — начал Итало, возвышаясь над присутствующими. — Мы похоронили самых достойных людей, которые верно служили Альянсу пятнадцать лет, — Сальваторе и Винченцо. Они были убиты, и это большая для всех нас трагедия!

— Трагедия? — Голос Марио сорвался на крик, и он вскочил со своего места, сверкая гневными глазами. — Предательство, вот как это называется! Их предали и бросили умирать!

По залу прокатилась волна шёпота, и все взгляды устремились на Карпани.

— Мы все знаем имя человека, который привёл в ловушку моего отца и капо, — продолжил Марио, и его взгляд красноречиво указывал на Дарио. — Я требую справедливости! Смерть предателю!

Дарио почувствовал, как напряжение в зале повысилось на несколько градусов. Он медленно повернулся к Карпани и громко спросил:

— Ты на что-то намекаешь, Марио?

— Я говорю прямо, — ответил он жёстким тоном. — Я обвиняю тебя. Ты — предатель, Дарио. Ты привёл моего отца и капо на смерть и бросил там умирать.

— Я? — Дарио усмехнулся, поднимаясь на ноги, и качнул головой. — Я был там, Марио. Я видел, как твой отец сражался и пал от пули Мео. Я был рядом с ним и делал всё, чтобы их спасти. А где был ты? — Он повысил голос. — Сидел в безопасном месте и сосал свой виски?

— Ты должен был спасти его ценой своей жизни! — закричал Марио, стукнув по столу кулаком. — Так гласит наш закон: жизнь солдата — ничто по сравнению с капо или консильери.

Дарио шагнул вперёд, и его глаза потемнели, в них вспыхнул холодный огонь ярости.

— Твой отец был консильери, Марио. Он отвечал за переговоры. — Дарио чеканил каждое слово. — Это он убедил Сальваторе поехать в Баколи. Я говорил, что это ловушка. Но меня не слушали, потому что твой отец настаивал на этой встрече. Теперь ты хочешь обвинить меня в том, что я не спас твоего отца от его собственного решения?

Марио побагровел, впиваясь в него злым взглядом.

— Однако ты стоишь здесь, а они в могиле, — выкрикнул он, сжимая кулаки. — Может, поведаете нам всем, как же так получилось?

— Дарио защищал твоего отца и капо до последней секунды, — произнёс Козимо, встав с кресла. — Я видел всё своими глазами и лично прикрывал их с берега. Они сражались, как львы, и встретили свою смерть, держа в руках пистолет. — Он обвёл ледяным взглядом зал. — Вопрос в другом: почему твой отец согласился на переговоры?

— Он был убеждён в честности Личчарди, — заявил Марио, упираясь кулаками о стол. — У кого-то есть сомнения?

— Все эти годы он служил на благо Альянса, — заявил Проди, подняв ладонь. — У нас нет к нему претензий, и по праву ты должен занять его место.

— Отец готовил меня с детства, — произнёс Марио, окидывая всех холодным взглядом. — И я готов стать консильери Альянса и служить с достоинством и честью. — Он горделиво приподнял подбородок.

— Тогда нам осталось решить, кто станет капо Альянса, чтобы принять клятву верности консильери, — провозгласил Итало торжественным тоном. — Выдвигайте кандидатуры. — Он вальяжно взмахнул рукой и опустился в кресло.

— Я предлагаю Боргезе Страффи, — заявил Джино, поднимаясь. — Вы все его знаете как надёжного партнёра. Его семья — одна из старейших на побережье и пользуется уважением. Он достоин стать капо ди тутти капи. — Он поднял вверх указательный палец. — Я отдаю свой голос за него. — Он учтиво кивнул и сел в кресло.

— Я выдвигаю Дарио Риччи, — выпалил Козимо громогласно. — Он тот, кого боятся наши враги и уважают улицы. Не это ли самый важный показатель? — Он выдержал паузу, всматриваясь в лица мужчин. — Я уверен, он приведёт нас к победе и процветанию!

— Вы только послушайте его! — выкрикнул Марио со злостью и подскочил со стула, тыкая пальцем. — Это ли не доказательство того, что они сговорились и предали нас всех?!

— Следи за языком! — повысил тон Дарио, гневно сверкая глазами.

— Если тебе нужны доказательства, Марио, то мы их предоставим, — вмешался Козимо, сверля его тяжёлым взглядом. — Там были свидетели. Твоего отца убил Мео Личчарди, и ты вправе объявить ему вендетту, если у тебя хватит смелости.

— Мерда! Что ты сказал? — возмутился Марио, багровея от злости. — Повтори!

— Успокойтесь, — Итало остановил их жестом руки. — Нам достаточно твоего слова, Козимо. У нас нет повода тебе не доверять.

— Я поддерживаю кандидатуру Страффи, — рявкнул Марио громко и уверенно. — Лучше него среди нас нет, и он один из самых влиятельных людей в Неаполе. Может, на улицах Секондильяно и знают фамилию Риччи, но в городском совете она — пустой звук.

— Я за Артуро Кателли, — заявил Масо Карузо громким голосом. — Его уважают не только в Кампании, но и по всей Италии, а о его заслугах перед Альянсом вы все знаете.

— Может, от Салерно до Бари с ним и считаются, — хмыкнул Боргезе, затягиваясь сигарой. — Но в Неаполе нет.

Альянс будто ударила шаровая молния. Главы семей, привыкшие держать себя в руках, теперь не скрывали своих амбиций, и каждый стал выдвигать свою кандидатуру. Они спорили до хрипоты, выразительно жестикулировали руками, доказывая свою правоту, и рвались к власти.

В центре этой бурной вакханалии, в массивном резном кресле, неподвижно сидел старый Лоренцо и молча наблюдал за бесконечными перепалками. Для него эти споры были не хаосом, а узором, который сложился в понятную картину. Он медленно поднялся с кресла, и зал неожиданно погрузился в тишину.

— Когда у власти стоят все, она не считается ни с кем! — сказал Лоренцо с презрением. — В молодости лев учится охотиться, в старости — мудро распоряжаться добычей. У нас на улицах бардак, и вы хотите сказать мне, что Страффи или Кателли наведут порядок? Не смешите. — Он хмыкнул. — Дарио взрастила улица, и он должен возглавить клан.

— У Боргезе больше влияния, — возразил Карпани, багровея на глазах. — Он знает многих политиков, карабинеров и сможет решить любую нашу проблему.

— Я настаиваю на Артуро, — не унимался Карузо, подскочив с кресла. — Он прижмёт клан Личчарди.

— В Скампии или в Миано? С какого района начнёте? — Старик взглянул на обоих претендентов. — Кто пойдёт за вами? Вы об этом подумали?

По залу прокатилась волна шёпота, и все взгляды устремились на Дарио, который был похож на ленивого льва и равнодушно наблюдал за своим прайдом.

— Ты прав, Лоренцо, — подчеркнул Проди, окинув всех тяжёлым взглядом. — В этих районах понимают только силу и авторитет. Поэтому я отдаю свой голос за Дарио.

Боргезе, услышав эти слова, мгновенно побелел, и на миг показалось, что он вот-вот сорвётся на крик или бросит в лицо собравшимся что-то ядовитое, но он сдержался.

Гордость не позволила Кателли унизиться до спора, до жалких попыток перетянуть голоса на свою сторону, и он предпочёл промолчать, но метнул в сторону Дарио взгляд, тяжёлый и полный презрения.

— Голосуем. Кто за Дарио? — произнёс Проди и стал считать поднятые руки. — Тридцать восемь против семерых, — провозгласил он торжественно. — Решение принято: Дарио Риччи выбран капо ди тутти капи Альянса!

Перед глазами Дарио промчались воспоминания того момента, когда он открывал дверь в этот зал всего три часа назад. У него и в мыслях не было, что именно сегодня его имя прозвучит по-другому.

Он пришёл доказывать свою невиновность, возможно, даже идти на компромиссы — но не принимать на себя это тяжёлое, выжигающее изнутри бремя власти. Теперь же оно легло на его плечи, как груз, который придётся нести, зная, что каждый шаг отныне будет оцениваться, взвешиваться, обсуждаться. И за каждое решение и ошибку придётся платить не деньгами, а чем-то куда более ценным.

Он встал перед советом, ощущая на себе тяжёлые, испытывающие взгляды. Открыв чёрную бархатную коробку, Проди молча протянул ему символ власти. Холодный металл лёг на палец с почти ритуальной тяжестью, и в этом было что-то окончательное и необратимое.

— Я клянусь кровью на этом кинжале быть верным делу свободных, активных и правых людей, принадлежащих Альянсу, и представлять, защищать, где бы то ни было, интересы всех семей любой ценой, да будет так... — слова прозвучали в зале громко и твёрдо, будто они были высечены из камня.

Дарио взял кинжал и резким, уверенным движением полоснул по левой ладони, и опустил перстень в алую кровь. Металл будто на мгновение ожил, впитав в себя эту жертву и печать верности.

Собравшиеся наблюдали за каждым его движением, не шевелясь, не переглядываясь, не позволяя себе даже лёгкого вздоха. Для них это был не просто ритуал — это был рубеж, тот миг, когда слова перестают быть просто обещаниями и становятся цепями, которые объединяли их воедино. И когда Дарио поднял глаза, в них отразилась готовность принять всё, что теперь будет связано с этой клятвой.

Он передал кинжал Марио, и тот поклялся в верности, скрепив обещание кровью.

Мужчины в знак верности склонили головы перед новым капо ди тутти капи.

— Поздравляем, Капо, — произнёс Козимо громким голосом. — Мы ждём твоего приказа.

— Клан Личчарди объявил нам войну, и мы примем вызов, — сказал Дарио властным тоном. — И вернём районы. Собирайте людей. Смерть всем Личчарди! — выкрикнул он громко, и эхо разнеслось по залу.

— Смерть! Смерть! — воодушевлённо подхватили каморристы. — Смерть ублюдкам Личчарди! — кричали они, и толпа направилась к выходу.

— Надеюсь, мой друг, мы с тобой не ошиблись, — задумчиво произнёс Итало Проди, провожая взглядом удаляющуюся толпу.

— Мы поставили против старого льва... молодого, — ответил Лоренцо, поднимаясь с кресла. — Исход в этой битве очевиден. — Он взял в руки трость. — Приглядывай за Дарио, он ещё слишком импульсивен и горяч.

— Хорошо, Лоренцо, — кивнул Итало, поправляя пиджак. — Может быть, поужинаем вместе? Нам есть что обсудить.

— Я не против, если ты приглашаешь, — усмехнулся старик, расправляя плечи.

В тот момент никто из них не догадывался, что принятое решение пустит круги по воде, которые изменят Неаполь и сломают нерушимые стены, определяющие, кто будет стоять наверху, а кому придётся искать себе место в тени.

Глава 9. Ночь.

Ночью Неаполь будто сошёл с ума — воздух пропитался гарью, криками и запахом крови. Здесь не щадили никого: ни тех, кто стоял с оружием, ни тех, кто просто оказался не в том месте и не в то время.

Всё, что хоть как-то было связано с Личчарди, безжалостно крушили, ломали, стирали с лица земли, словно пытались вытравить саму память о нём. Огонь пожирал дома, склады и само его присутствие в Миано, Скампии и Секондильяно. Пламя взмывало к небу, отбрасывая багровые отсветы на почерневшие стены.

Дарио обрушил на противника не только своих солдат — жёстких, вышколенных, привыкших действовать без колебаний. Он выпустил наружу гнев бедных кварталов, годами копившийся в тесных дворах, на узких улочках, среди нищеты и несправедливости. Их ярость была грубой, необузданной, но оттого ещё более разрушительной.

К утру, когда первые бледные лучи солнца коснулись разгромленных улиц, кварталы предстали в жутком обличье. Карабинеры, ступая по битому стеклу и обгорелым обломкам, методично считали трупы — сто три тела, застывших в неестественных позах. Десятки сожжённых машин чернели на обочинах, словно обугленные скелеты.

— Когда поступило первое сообщение о погромах? — спросил инспектор Сарто, фотографируя очередное тело.

— В четыре утра, — ответил Джотто, собирая гильзы в пакет. — В наряде было трое карабинеров. Когда они подъехали, здесь шла настоящая война. Машину обстреляли, одного из них ранили, они вызвали подмогу и уехали.

— Они что, камикадзе? — удивился инспектор Сарто, щёлкая затвором. — Ночью поехали на вызов в Миано, после того как убили капо Альянса!

— Они первый год на службе, — усмехнулся Джотто, снимая перчатки. — Добавили нам работы. Теперь целый год отписываться придётся.

— Свидетелей, как обычно, нет? — уточнил Сарто, взглянув на жилой дом, который, казалось, вымер.

— Желающих составить им компанию нет, — он кивнул на трупы. — Вы сами знаете правила, инспектор. С нами даже не будут разговаривать.

— Люди не виноваты, — вздохнул Сарто, наблюдая за журналистами, снимающими горячий репортаж. — Только их здесь не хватало. — Он фыркнул с раздражением. — Раздуют очередную историю и обвинят во всём полицию. А что мы должны сделать, если все молчат?

Через час новостные каналы трубили о кровавой ночи. Нико застыл возле телевизора и вглядывался в мелькавшие на экране лица — тех, кого ещё не успели накрыть белой простыней. Кадры сменялись один за другим, безжалостно обнажая последствия ночи, и с каждым новым лицом злость в нём вскипала всё сильнее, разгораясь, как вулкан, на который он привык смотреть каждый день из окна своего кабинета.

— Дерьмо, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Резким движением он схватил со стола тяжёлую вазу и швырнул её в стену. Она разлетелась на осколки с звенящим треском. Мео, стоявший неподалёку, едва успел увернуться.

— Мы потеряли восемьдесят солдат, отец, — произнёс Мео удручённым голосом. — И товара на три миллиона. — Он выдержал паузу. — Говорят, главой Альянса стал Риччи.

— Каццо! — взревел Нико, стукнув кулаком по столу. — Достал меня этот Риччи! — выкрикнул он, и голос его сорвался на хриплый рык. — Кем себя возомнил этот выродок из трущоб!

Он замер на секунду, тяжело дыша. Его кулаки сжимались и разжимались, будто он всё ещё хотел что-то разбить, кого-то ударить, вернуть себе хоть крупицу контроля над ситуацией.

— Чего ты тут стоишь? — рявкнул Нико, гневно глядя на сына. — Собери всех в конторе, живо!

— Хорошо, отец, — кивнул Мео и пулей вылетел за дверь.

— Я тебя предупреждал, — произнёс Сенсо с упрёком в голосе. — С Сальваторе можно было договориться, с Дарио... нет.

— Значит, выпишем ему билет в один конец, — процедил Нико, нервно расхаживая по кабинету.

— Ты два раза уже пытался его устранить, — усмехнулся Сенсо и затушил сигарету. — И выпустил в него всю обойму. Ты стрелять разучился?

— Бог троицу любит, — съязвил Нико и плеснул в стакан виски. — Будешь? — кивнул на графин.

— Я таблетки с утра выпил, — сказал Сенсо, почесав задумчиво подбородок. — Я думаю, это Проди продвинул его. И если это так, значит, у нас большие проблемы.

— Если они полезут в наш бизнес, я сотру их в порошок, — заявил Нико, отпив виски.

— Они уже это сделали, — подметил Сенсо, поднимаясь. — Мы потеряли три района, людей и динары. Тебе мало?

— Мы подготовимся и своё заберём с процентами, — рявкнул Нико, направляясь к двери. — Поехали, мне надоели твои нравоучения!

Глава 10. Чао, Монтана!

Раннее утро разливалось над благоухающим садом, окутывая цветущие кусты роз золотистым светом. Сенсо сидел на террасе, отпивая горячий кофе, и лёгкий ветерок доносил до него сладкий аромат бутонов, которые уже начали распускаться под первыми лучами солнца. Он наслаждался этой тишиной — редкой, почти забытой роскошью в его жизни, полной интриг и расчётов.

Звонок телефона прервал его умиротворение, как внезапный порыв ветра, готовый разметать утренний покой. Он взглянул на дисплей, и на его лице промелькнула тень улыбки. Поставив чашку на стол, он поспешно ответил:

— Здравствуй, сынок, — произнёс он мягким тоном, которого не слышал бы от него никто, кроме собственного сына.

— Рад, что у тебя хорошее настроение, — подчеркнул Чиро с ухмылкой.

— Твой брат Кирино через две недели выходит из тюрьмы, — произнёс Сенсо, и его пальцы застыли на подлокотнике. Он выдержал паузу, давая словам осесть.

— Ты добился его досрочного освобождения? — удивился Чиро, и в его голосе послышалось неподдельное изумление.

— Деньги решают многие проблемы, — произнёс Сенсо довольным тоном. — Но не возвращают здоровье. Я отправлю его к тебе. Введи его в курс дела и возвращайся домой. Ты нужен мне здесь!

— Не думаю, что Нико будет рад моему возвращению, — заявил Чиро с упрёком в голосе.

— У нас идёт война с Альянсом, сынок, — выдохнул Сенсо недовольным голосом. — Мне не на кого положиться. В последнее время Нико доволен твоей работой, — его пальцы легко забарабанили по подлокотнику. — Надеюсь, ты будешь более терпимым к Мео и перестанешь мериться с ним яйцами.

— Жаль, что я его тогда не пристрелил, — усмехнулся Чиро, понизив голос.

— Желающих продырявить ему башку прибавилось, сынок, и рано или поздно кто-то из них не промахнётся. — Сенсо тяжело вздохнул и отпил кофе.

— Мне уже нравится этот Риччи, — брякнул Чиро радостным голосом. — У вас там идёт веселье, а я тут от жары и латиносов страдаю.

— Потерпи пару недель, — подбодрил его отец, глядя на появившуюся на террасе жену. — Мама передаёт тебе привет.

— Я говорил с ней пятнадцать минут назад, — хмыкнул Чиро, подловив отца, и в его голосе послышалась лёгкая, почти мальчишеская насмешка.

— Ты хороший сын, Чиро, — ответил Сенсо с улыбкой. — И мы любим тебя.

Он приглашающим жестом показал жене присоединиться к нему, и его рука описала плавную дугу в воздухе.

— Я знаю, пап, — вымолвил Чиро глухим голосом, и в нём послышалась тоска. — Самое главное забыл сказать: мука высшего сорта уже в пути.

— Я тебя понял, до связи, сынок, — произнёс Сенсо мягким голосом. Он положил телефон на стол и перевёл взгляд на жену, которая бесшумно подошла и подлила ему горячего кофе. Пар поднимался над чашкой, смешиваясь с ароматом роз и утренней росы.

— Ты прекрасно выглядишь, Люса, — произнёс он, всматриваясь в её милые черты лица.

— Ты как всегда мне льстишь, мой дорогой, — ответила она и, подняв чашку, кокетливо отсалютовала ему. — Но мне приятно.

Она села напротив, и её взгляд скользнул по саду, где розы уже раскрывали свои лепестки навстречу утреннему солнцу.

— Сегодня к нам приедут Роза с внуками, — продолжила она, и в её голосе послышалась тень тревоги. — Мне кажется, Мартино опять начал играть. Ты бы занялся своим зятем, Сенсо. Он опять расстраивает нашу дочь.

Сенсо на мгновение замер, и в его глазах мелькнула холодная, расчётливая искра. Его пальцы сжались в кулак, но он тут же заставил себя расслабиться, не подавая виду.

— Не волнуйся, я с этим разберусь, — процедил он, и в его голосе послышалась ледяная уверенность, которая не оставляла сомнений. — Когда она тебе звонила?

— Десять минут назад, — произнесла Люса, глядя на цветущий сад. — И мне не понравился её настрой.

— Она хочет развестись? — уточнил Сенсо, пристально глядя на жену.

— Она сказала, что возвращается домой, и всё, — Люса перевела взгляд на куст алых роз. — Мы выбрали для неё отвратительного садовника, Сенсо. И она скоро зачахнет, если ты не примешь меры. Я не хочу видеть свою дочь сломленной.

Сенсо медленно поднялся с кресла, и в его движении чувствовалась сдерживаемая ярость, которая была готова вырваться наружу. Его пальцы сжали край стола, и он на мгновение прикрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Я бы давно его уволил, — заявил он стальным голосом, красноречиво проведя ладонью по шее, — если бы он не был отцом наших обожаемых внуков.

— Они его практически не видят, — отмахнулась Люса, поджимая пухлые губы. — И если его собьёт однажды машина, все вздохнут с облегчением.

— Ты коварная женщина, Люса. — Сенсо наклонился и поцеловал её в щёку. — И возможно, так и будет. — Он выпрямился и подмигнул ей. — Мне пора, Нико ждёт!

Его шаги по каменным плитам террасы звучали ровно, как отсчёт до неизбежного. Люса осталась сидеть, глядя ему вслед, и в её глазах мелькнула тень всепрощающей любви, которая видит всё, но молчит, зная, что её муж всегда делает то, что считает нужным.

Июль ворвался в город вместе с морем туристов, которые заволокли улицы, кафе и пляжи. Воздух был пряным от запахов мидий, креветок, лимонного сока и специй. На набережной Кьяйя гремела музыка, в открытых кафе звенели бокалы, а белые яхты покачивались на волнах.

Прошло десять дней с тех пор, как Дарио стал капо, которые растянулись в его сознании на целую вечность. Он вникал во все дела с холодной тщательностью, будто не читал бумаги, а вскрывал тайные слои чужой игры. Изучил схемы, договоры, списки должников, вчитывался в имена купленных политиков, запоминая не только фамилии, но и оттенки их продажности — те едва уловимые нюансы, что выдавали, кому можно верить лишь наполовину, а кому — ни на грош. В этих документах таилась целая паутина лжи, и он распутывал её по ниточкам.

Красный кабриолет мчался по узким улочкам Баколи, ветер трепал волосы Дарио, а солнце щекотало лицо. Его сопровождала личная охрана на чёрном «Мазерати», следуя за ним, словно тень.

Он припарковался у двухэтажного белого здания, где на вывеске было написано «Лаванда — прачечная и химчистка».

Дарио вышел из машины, поправил белую рубашку, закатанную до локтей, и уверенно направился в прачечную.

На пороге его встретила миниатюрная итальянка лет шестидесяти с цепким, недоверчивым взглядом. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на Дарио так, будто он был продавцом тухлой рыбы.

— Сегодня заказы не принимаются, сеньор, — заявила она, перегородив ему путь.

Дарио остановился, удивлённо посмотрел на неё сверху вниз и произнёс:

— Мне нужна Ванесса, сеньора.

— Впервые слышу это имя, — ответила женщина, косясь на Анджело и Вико, которые маячили за его спиной.

Дарио усмехнулся и понял, что эта маленькая итальянка — та ещё крепость.

— Мне нужно вернуть ей кое-что, — сказал он убедительно. — И я знаю точно, что она здесь работает.

В проёме появилась Мими, и на её лице расплылась широкая улыбка.

— Красавчик, — сказала она, подходя ближе. — Ты наконец вспомнил о долге? Учти, мы занимали под проценты! — Она игриво погрозила пальцем.

Бриджита строго посмотрела на неё и перевела взгляд на шикарного незнакомца.

— Ты его знаешь? — хмыкнула она, разглядывая с любопытством статного мужчину.

— Да, — ответила Мими, не скрывая восторга. — Он денег должен Ванессе. Пять тысяч лир!

Дарио присвистнул, возмущённо качая головой.

— Ничего себе у вас расценки! — сказал он, забавляясь этой ситуацией. — Я всего двести брал!

— Проценты, красавчик, у нас очень большие, — усмехнулась Мими. — И ещё моральный ущерб за неопределённость. Ты слишком затянул с возвратом!

В этот момент из глубины прачечной появилась Ванесса в голубом халате. Её волосы были собраны в небрежный пучок, а по виску стекали капли пота.

— Ты чем-то недоволен? — спросила она, уперев руки в бока, выказывая раздражение.

Дарио поднял ладони вверх, изображая, что со всем согласен.

— Я тоже рад тебя видеть! — Он оглядел скромную обстановку прачечной и добавил: — Жарко тут у вас. Может, ты выйдешь, и мы поговорим?

— Молодой человек, ну и где долг? — требовательно спросила Бриджита, притопывая ногой.

Дарио достал из кармана пачку купюр и отсчитал десять тысяч лир.

— Я не у вас занимал, сеньора, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Но накину пять сверху, если вы отпустите Ванессу пораньше.

Бриджита схватила деньги, пересчитала их и сунула в карман фартука.

— Обойдётся! — выпалила она, надвигаясь на Дарио. — Ты посмотри, какой прыткий! Может, тебя тазиком огреть, чтобы ты голову нам тут не морочил? Приехал с группой поддержки, видали мы таких!

Она размахивала руками, и Дарио невольно отступил на шаг. За его спиной послышался сдвленный смех его охранников.

— Ладно, сеньора, — сказал Дарио, поднимая ладони вверх. — Я на улице её подожду.

Он вышел из прачечной, и дверь с глухим стуком захлопнулась за его спиной.

— Тебя что, отшили? — подколот его Анджело, облокотившись о капот машины.

— Не женщина, а цербер, — буркнул Дарио, с трудом сдерживая смех. — Маленькая, а такая зубастая.

Он достал сигариллу и закурил, наблюдая за дверью прачечной, ленивыми прохожими, прячущимися в тени домов, лавочниками, нахваливающими свой товар. На мгновение ему показалось, что в этом тихом городке время остановилось, и люди здесь живут иначе.

Дверь распахнулась, и девушки демонстративно продефилировали мимо него, гордо задрав подбородки.

— Мышонок, мы так не договаривались! — крикнул Дарио ей в спину, заметно раздражаясь.

Ванесса не обернулась. Она только помахала рукой, не сбавляя шага.

— Чао, медвежонок! — выкрикнула она с насмешкой.

— Капо, — сказал Вико, склонив голову. — Если дело в девушке, то мы можем привести тебе таких сотни.

Дарио резко повернулся к нему, и его глаза потемнели, и в них вспыхнул холодный огонь.

— Не помню, чтобы я спрашивал у тебя совета, — отрезал он, понижая тон.

Вико побледнел, кивнул и отступил в сторону.

Дарио сел за руль, машина рванула вперёд, догоняя строптивых девчонок, которые уже почти скрылись за поворотом. Он свернул за ними в переулок и перегородил им дорогу.

— Ванесса, — сказал Дарио, выходя из машины. — Может, хватит? Я пока по-хорошему прошу.

— Да ты что! — воскликнула она, всплеснув руками. — А по-плохому это как?

— Сейчас увидишь, — прошептал Дарио, сокращая расстояние между ними.

Он молниеносно притянул её к себе и неожиданно поцеловал, нагло ворую кислород. Вырвавшись из его объятий, Ванесса размахнулась, пытаясь вlepить ему пощёчину, но он поймал её руку на лету и завёл за спину, заключив в тесные тиски.

— Ты точно псих, Монтана! — выкрикнула Ванесса, и её щёки залились румянцем. — Отпусти меня.

— Я приглашаю тебя на кофе, — Дарио подмигнул ей и, не отказывая себе в удовольствии, снова поцеловал — долго, сладко, настойчиво. Он чувствовал, как она напряглась всем телом и бьёт его ладонью по спине, но он не отступил, ощущая запах моря, солнца и лаванды.

Улыбаясь, Мими обошла целующихся по кругу, томно вздыхая.

— Умм, как интересно! — она усмехнулась и сделала шаг назад. — Эмм, я тогда пойду домой, чтобы вам не мешать.

Она посмотрела на удивлённого Анджело, который застыл в машине с отвисшей челюстью.

— Рот закрой, муха залетит, — пошутила Мими и показала ему язык. — Тебе, красавчик, повезло меньше, — сказала она и ушла, покачивая бёдрами.

Ванесса наконец вырвалась из объятий Дарио, её щёки пылали, а глаза метали молнии.

— Что за дела, Монтано! — воскликнула она возмущённым тоном. — Катись туда, откуда приехал!

— Поздно ты опомнилась, детка, — ответил Дарио, притягивая её обратно. — Теперь точно не отпущу... — Он сделал паузу, наблюдая за её реакцией. — Пока ты не согласишься.

— Размечтался! — возмутилась Ванесса и завертелась, как уж на сковородке, в его стальных объятьях.

— Мышонок, — прошептал Дарио, наклоняясь к её уху. — Ты меня так сильнее заводишь. Знаешь, я вообще-то против беспорядочных связей.

— Ах ты засранец! — окончательно разозлилась Ванесса, ёрзая туда-сюда. — Отпусти меня, идиот!

— После того, как ты скажешь «да», — не унимался Дарио, откровенно наслаждаясь. — Так что, мышонок?

— Чёрт с тобой! — выпалила она, сверкая гневным взглядом. — Поехали пить твой дермовый кофе!

— Я предпочитаю кимбо, к твоему сведению, особенно по утрам и в постели, — усмехнулся Дарио, размыкая объятья и шагнув в сторону, открыл перед ней дверь машины.

— Надо же, какая ты оказываешься заносчивая задница, — пробурчала Ванесса, усаживаясь на мягкое сиденье.

— Ты нарываешься, мышонок, — сказал Дарио, захлопывая дверь, обошёл машину и сел за руль. — Не подскажешь, где в этой дыре можно спокойно поужинать?

Он повернулся к ней всем корпусом, рассматривая её большие голубые глаза, длинные ресницы, пухлые манящие губы и утончённый нос. Она была невероятно красивой, а волнистые длинные волосы придавали ей шарма.

— Без понятия, — съязвила Ванесса, выказывая своё негодование. — Мне некогда шляться по кафе.

— Ладно, я сам выберу, — Дарио завёл двигатель и коротко, без лишних движений надавил на педаль, и машина сорвалась с места.

Девушка, взвизгнув от неожиданности, вцепилась в кожаное сиденье, её плечи невольно сжались, словно она пыталась укрыться от этой резкой перемены.

«Феррари» промчалась мимо белых двухэтажных домов, цветущих олеандров, одиноких сосен и выехала на дорогу, ведущую к пляжу Сан-Монтано. Тёплый ветер обдувал лицо и путал волосы. Ванесса закрыла глаза, чувствуя его нежную ласку.

— Кстати, — спросила она с ехидством, повернув голову, — ты вспомнил своё имя?

Дарио усмехнулся и лукаво взглянул на неё.

— Тебе лучше его не знать, — ответил он с ноткой иронии, расслабленно управляя красным авто.

— Ладно, bello, уговорил, оставайся Монтана, — она откинула голову на подголовник, наслаждаясь игрой ветра, скоростью и тёплой погодой.

Они подъехали к небольшому уютному ресторану с лаконичным названием «Альба» и разместились на открытой террасе, за столиком с клетчатой скатертью. Он смотрел на пляж, где совсем недавно прощался с жизнью. Сейчас там загорали туристы, лёжа на шезлонгах, смеялись дети, бегающие по песку.

— Что ты здесь делала в то утро? — спросил он, не отрывая взгляда от пляжа.

— Бегала, — ответила Ванесса, открывая меню. — Я живу вон на том холме, — она кивнула в сторону Баколи.

К ним подошёл Беппе с блокнотом в руках и широко улыбнулся.

— Добрый вечер, — сказал он, учтиво кивая. — Рад, что вы выздоровели, сеньор.

Дарио удивлённо посмотрел на него, пытаясь вспомнить момент знакомства.

— Беппе помог мне тогда, — пояснила Ванесса, жестикулируя руками. — Если бы у него не было телефона, навряд ли бы ты тут сидел и пил кофе... как там его?

— Кимбо, — понизил голос Дарио, скрывая улыбку. — Как вас отблагодарить, сеньор? — спросил он, глядя на старика в причудливом фартуке.

— Мамма миа! Что вы, — отмахнулся Беппе, качая головой. — Я рад, что вы поправились и пришли в моё скромное заведение. Я и не надеялся... — Он замолчал, вспомнив то утро.

— Видимо, выглядел я тогда отвратительно, — пошутил Дарио, проведя ладонью по густым волосам.

— Не то слово, — поддержал его Беппе. — Дио мио! Даже страшно вспоминать. — Он закатил глаза к небу. — Вы желаете поужинать?

— Да, что вы можете посоветовать? — Дарио закрыл меню и положил его на стол.

— У нас сегодня изумительный, наисвежайший осьминог с запечённым картофелем, ньокки с песто, салат капрезе и вителло тоннато, — Беппе расписывал блюда так, что Ванесса заметно слотнула.

— Отлично! — кивнул Дарио, облокотившись на подлокотник кресла. — Тогда нам сыр, осьминога, салат панцанелла и Montalcino. Десерт мы закажем позже.

— Замечательно, у вас хороший аппетит, сеньор, — Беппе записал всё в блокнот. — Мамма миа, такого осьминога вы ещё нигде не пробовали! — Он, словно фокусник, достал из деревянного шкафа тарелки и приборы и поставил на стол. — Пару минут, — заверил он и удалился.

— Значит, ты бегунья? — продолжил разговор Дарио, откидываясь на спинку кресла и доставая из кармана сигариллу с золотой зажигалкой.

— И тебе советую, — хмыкнула Ванесса, наблюдая, как он элегантно щёлкает зажигалкой. — Ты такой пижон, Монтана. Ты где-то курсы проходил по позёрству?

— Тебе нравится, да? — подмигнул ей Дарио, вальяжно затягиваясь.

— Вот ещё! — фыркнула Ванесса, хотя краска предательски залила её щёки.

— У тебя на лице всё написано, что ты от меня в восторге, — подколот её Дарио, замечая, что она покраснела. — И целоваться ты совсем не умеешь.

— Я... я... — Ванесса судорожно подбирала слова. — Я специально притворялась! — выпалила она, вздёргивая вверх подбородок.

— Может, тогда повторим?! — он усмехнулся и подался вперёд.

— Мне хватило одного раза! — заявила Ванесса, выставя ладонь в защитном жесте. — И вообще, ты не в моём вкусе!

— Неужели? — Дарио выпустил изо рта клуб дыма и посмотрел на Беппе, который спешил к ним с подносом. — Мы это обязательно проверим, мышонок. А сейчас давай насладимся ужином.

Расставляя блюда на стол, Беппе широко улыбался, с любопытством поглядывая на парочку, между которой летали искры, готовые превратиться в пламя.

— Приятного вечера! — произнёс Беппе, прижимая к себе поднос.

— Грациэ, — ответила Ванесса, пододвинув к себе тарелку. — Мамма миа! Я такая голодная! Могу слона съесть! — Она попробовала осьминога и картинно закатила глаза.

Дарио рассмеялся, умиляясь её непосредственности, и, наколов на вилку помидор с сыром, закинул их в рот.

— Ничего вкуснее я ещё не ела, — сказала Ванесса, увлечённо вкушая блюдо и не обращая ни на кого внимания.

— Я готов каждый день тебя угощать ужином, — заявил Дарио с улыбкой. — У тебя хороший аппетит.

— Боюсь, тебе это дорого обойдётся, — подчеркнула Ванесса, не отвлекаясь от процесса. — Я жутко прожорливая!

— Я заметил, — подколот её Дарио, наслаждаясь салатом и обществом забавной девчонки. — Но я это как-нибудь переживу. — Он взял бутылку и подлил ей вина. — За прекрасный вечер, Ванесса. — Он протянул руку и звонко соприкоснулся с ней бокалом.

— Слушай, Монтана, почему эти двое таскаются за тобой и всё время на нас пялятся? — она кивнула в сторону его охраны.

— Мои друзья переживают за меня, и у них плохие ассоциации с этим местом, — ответил Дарио, отпивая вино.

— Никогда бы не подумала, что вы друзья, — усмехнулась Ванесса, отодвигая пустую тарелку. — А десерт сегодня будет?

— Ты как ребёнок, — хмыкнул Дарио, отпивая вино и жестом подозвал официанта. — Ты живёшь с родителями?

— Ты в гости напрашиваешься? — спросила Ванесса, выгнув изумлённо бровь.

— Мне интересно, — ответил он, смакуя осьминога. — Ну так что?

— У меня пятеро братьев и сестёр, я самая старшая, и все мы живём в одном доме, так что мне весело! — хмыкнула Ванесса, соорудив смешную гримасу.

— Тебе нужно в рекламе сниматься, у тебя классно получается! — подметил Дарио с улыбкой.

— Вот сейчас всё брошу и пойду позировать, может, и попаду на телевидение? — Ванесса рассмеялась, запрокидывая голову. — Монтана, у тебя случайно нет знакомого продюсера, умм?

— Если ты захочешь, то я найду, — сказал Дарио абсолютно серьёзно, с удовольствием жуя картофель.

— Смотри, слово не воробей, — Ванесса шутливо погрозила ему пальцем. — Я же могу поверить!

— А ты поверь! — произнёс Дарио и поднял бокал. — Своими мыслями мы сотворяем мир!

Звёзды замерцали на небе, будто кто-то рассыпал по бархатной тьме горсть холодного серебра, а следом из-за края горизонта медленно выплыла жёлтая луна. Её свет лёг на извилистую дорогу, вычертив на ней золотистую тропу, и казалось, что сама ночь теперь ведёт машину к дому Ванессы.

Дарио поймал себя на мысли, что ещё ни с кем из женщин ему не было так легко и весело, будто рядом с этой наивной девчонкой все его привычные маски, все тяжёлые слои осторожности и недоверия сами собой сползали, обнажая что-то давно забытое, почти мальчишеское.

Его тянуло к ней, словно магнитом, и в груди ворочалось странное, непривычное желание — присвоить эту лёгкость, удержать её рядом, спрятать от всего того мрачного мира, к которому он принадлежал. Но он сдерживался, лишь мельком поглядывая на её голые коленки и слушая её весёлое щебетание.

Он остановил машину у небольшого двухэтажного дома, из окон которого лился тёплый жёлтый свет и доносились детские голоса.

— Вот мы и приехали. Спасибо за вечер, — сказала Ванесса, повернув голову. В её улыбке не было ни кокетства, ни игры — просто искренняя, лёгкая благодарность, от которой у Дарио что-то ёкнуло под рёбрами.

— Ты каждый день работаешь? — вдруг спросил он, сам не ожидая от себя этого вопроса. Ему вдруг стало важно знать каждую мелочь о её жизни, будто эти будни, расписанные по часам, могли стать для него картой в её мир.

— У меня в воскресенье выходной, — ответила она беспечно и потянулась к ручке двери.

— Тогда я заеду за тобой, — сказал Дарио и наклонился к ней, собираясь поцеловать, но она ловко выскользнула из машины и захлопнула дверь.

— Чао, Монтана! — крикнула она с улыбкой, уже стоя на тротуаре, и махнула рукой так легко, что он себя на секунду почувствовал обычным парнем, который просто подвёз девушку домой.

И в этом её «Чао!» было столько жизни и воздуха, что Дарио невольно улыбнулся, впервые за долгое время искренне, без тени цинизма. Он посидел ещё пару секунд, глядя, как она поднимается по ступенькам, как тёплый свет из прихожей на мгновение обнимает её силуэт. Надавив на педаль газа, он помчался в Неаполь, в свой привычный мир, где сотни людей зависели от его решений и приказов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.